

КАРЛ ШТУМПФ

Психология и теория познания¹

I. Спорные вопросы

[467] Когда Целлер в своем докладе «О значении и задачах теории познания» (1862) вновь призвал проявить заботу об этой науке, он назвал в качестве ее задачи исследование предпосылок, при которых человеческий дух в состоянии познать истину. Прежде всего, имелось в виду исследование истины и происхождения наших представлений. Целлер назвал бессмертной заслугой Канта то, что тот вновь оживил интерес к данному вопросу и решил его более основательно, чем его предшественники. Целлер подчеркнул необходимость возврата к такого рода исследованиям в логике, а то, что исследования эти также теснейшим образом связаны с психологией, об этом Целлер явно не говорит. Однако его утверждения относительно происхождения наших представлений, сделанные в указанном докладе, особенно в позднейших дополнениях (1877), не оставляют никаких сомнений относительно его положительного мнения и по этому вопросу.

А в получившей с тех пор развитие неокантианской школе в этой связи обнаружилось иные воззрения. Правда, здесь логику и в этом отношении чаще всего объединяют с теорией познания. Но тем резче тогда отделяется от них психология; более того, она оказывается к ним диаметрально противоположной. Данное представление столь широко распространилось, что даже воззрения. Не принадлежащие неокантианству, выступают в поддержку максимально широкого разделения труда и принципиальной независимости теории познания. В связи с этим находится изменившееся понимание собственной заслуги Канта, когда в качестве таковой называется как раз это резкое обособление и противопоставление. При этом утверждается, что психология мыслительной деятельности имела место во времена Локка и даже ранее. [468] А отмеченные Давидом Юмом трудности относительно познания законов причинности

¹ Перевод выполнен *Сергеем Поцелуевым* по изданию: *Stumpf, Carl. Psychologie und Erkenntnistheorie / Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der k. Bayer. Akademie der Wissenschaften. München: Verlag der Akademie, 1891.* Пагинация в тексте приведена по этому изданию. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках программы «Брентано и его школа: развитие проблем сознания и интенциональности в феноменологии и аналитической философии XX в.» (проект № 01-03-00280а).

были, якобы, уже с максимально возможной полнотой рассмотрены современником Канта, Николаем Тетенсом. И только Канту, — оказывается с этой точки зрения, — должны мы быть благодарны за эмансипацию теории познания от психологии, т.е. за критику познания. И при этом явное большинство признает, что отделение теории познания от психологии у самого Канта осуществляется только во втором издании «Критики чистого разума», да и там не вполне последовательно. Так проводится различие, если можно так выразиться, между идеальным и историческим Кантом.² Некоторые стремятся отыскать движение в сторону чистой критики познания, т.е. тенденцию «критического идеализма», уже у Лейбница, Декарта, Платона, тогда как собственно кантовские заслуги и с этой точки зрения в некотором смысле ставятся под сомнение. Однако эти различия мы далее рассматривать не будем.

В последующем мы будем обозначать выражением «критицизм» такое понимание теории познания, которое пытается освободить эту теорию от всех психологических оснований. Выражением же «психологизм» (впервые введенным, пожалуй, Й.Э. Эрмманом) мы называем сведение всех философских и особенно всех теоретико-познавательных исследований к психологии. И мы позволим теперь критицистам и психологистам направлять их копыя друг против друга, причем ради дела мы будем максимально заострять аргументы, без учета того, представлены ли они в литературе именно в такой форме.

Психологи утврждают, что познание является ведь само по себе психическим процессом, а потому исследование его предпосылок есть тоже психологическое исследование. Этой естественной аргументации психологиста критицист противопоставляет положение о том, что психологическое исследование может, конечно, привести нас к открытию определенных фактов душевной жизни, к познанию мыслительных и чувственных процессов (или, в крайнем случае, к эмпирическим правилам, например, к правилам ассоциации [469] идей). Однако, — утверждает критицист, — это исследование никогда не приведет нас к познанию всеобщих и необходимых истин. По крайней мере, оно не может привести к таким истинам, которые должны считаться еще и объективными, к примеру, к геометрическим аксиомам или к закону причинности. Этот последний, как раз напротив, уже якобы должен лежать и в основе всего психологического исследования. Психология, согласно этому утверждению, является особой опытной наукой, а теория познания показывает нам условия возможности любого опыта.

Вынужденный таким образом перейти к обороне, психологист все-таки находится в легком положении, коль скоро избегает собственных позиций кантовской философии. К научным выводам, — возражает психологист, — можно прийти и без теории познания, — подобно тому, как можно кушать и прогуливаться без знаний в области физиологии. Можно вполне понять, что квадрат

² См. среди проч.: Windelband, Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philosophie I 224 f. Здесь Виндельбанд как раз в связи с отношением Канта к «психологизму» пришел к выводу, что истинный критицизм в полной мере нигде не выражен в кантовских сочинениях, но означает лишь один из переходных пунктов, которые он прошел в период между 1770 и 1780 годами. Виндельбанд недвусмысленно подчеркивает «зависимость критицизма от психологической теории ее автора, зависимость, которую эта теория не может скрыть своими заявлениями противоположного рода».

гипотенузы равен сумме квадратов катетов, не имея при этом никакого представления о различии между аналитическими и синтетическими суждениями. Можно открыть законы маятника, не зная закона причинности a priori, в виде синтетического основоположения. Эти очевидные вещи не стоило бы даже упоминать, если бы не некоторые высказывания со стороны критицистов, которые позволяют сделать вывод о существовании противоположного мнения. «Может ли, — задается один из них вопросом, — существовать познание без его критики? Это было бы тогда познанием без закона, без нормы его истины, а значит, и без самой истины». О да, без всякой истины! Познание не может быть просто истинным, оно может быть совершенно очевидным [evident] для познающего, очевидным вплоть до последних своих оснований, но так, что познающий не знает при этом никакой теории данной очевидности.

В такой мере является, конечно, очевидным, что часто надо считаться с предпосылками, которые именно лишь посредством их употребления признаются полезными. Очевидно также, что исследование, после того, как оно достаточно далеко продвинулось вперед, испытывает необходимость того, чтобы задним числом спрашивать о возможном внутреннем правомочии или необходимости указанных предпосылок, и чтобы подводить их под общие понятия и правила. Интересно, что процессы и занятия повседневной жизни постепенно сами подчинились теории и позднее выполнялись уже «осознанно», а естественное зрение и слух привели потом к оптике и акустике и далее — к изготовлению [470] точнейших инструментов и к установлению строгих критериев для объективной надежности восприятий. Подобно этому, и теория познания является дочерью естественного познания [Erkennen] и матерью знания искусственного (сделанного по правилам искусства). Поэтому с полным правом Локк и Юм усматривали цель теоретико-познавательного исследования не просто в узнавании чего-то [in das Erkennen überhaupt], а в точном определении средств и путей, границ и степеней вероятности наших научных знаний [Erkenntnisse].

Можно даже осмелиться утверждать, что психология в меньшей мере, чем другие науки о природе, нуждается в такого рода (производимой задним числом) проверке ее предпосылок. Ведь для психологии кажется несущественной именно та предпосылка, которая чаще всего влечет к теории познания, а именно, предположение о существовании внешнего материального мира, независимого от нашего сознания. Однако мы не придаем этому значения, ибо сразу все же не ясно, действительно ли психология обходится без этой предпосылки, если свою задачу она, с другой стороны, усматривает не только в описании, но и в генетическом исследовании психических состояний.

Таким образом, психология, как и любая наука, влечет в своем развитии к теоретико-познавательным размышлениям, и ей нужны эти размышления в завершении, а не в начале. Но *как* нужны? Является ли теория познания (в своем начале или в целом) тоже независимой от всей психологии? Не нужна ли ей с абсолютной необходимостью предварительная психологическая работа и содействие, по крайней мере, в вопросе о происхождении наших понятий? Чтобы это опровергнуть, критицист держит наготове более сильное и глубже проникающее оружие, которое он берет из арсенала критики чистого разума: учение о корнях всего научного опыта в априорных формах со-

зерцания и мышления, а также учение о трансцендентальном синтезе и трансцендентальном схематизме.

Критика нас учит: если мы не прилагаем категории единства, субстанциальности, каузальности, необходимости и т.д. к явлениям, тогда мы не можем говорить о «предмете». Тем более, не можем мы тогда говорить о «природе» как о всеобъемлющем закономерном и связанном единстве предметов или о природных законах как правилах этой связи. [471] Любая категория есть форма синтеза или, как было сказано, функция единства. Таков именно рассудок, который посредством осуществления своих функций единства *творит* предметы и природу с ее законами. Дело не выглядит так, будто природа уже существует и только отражается потом в рассудке, но она впервые возникает как природа только в рассудке и посредством рассудка. Явления как таковые не имеют в себе никакого правила, порядка или закона.

И для объяснения этого положения дел, — утверждает критицист, — не требуется никаких предпосылок, фактов, наблюдений. Мы исходим из понятия научного опыта и спрашиваем об условиях, делающих этот опыт возможным, а также о предпосылках или элементах, содержащихся в указанном понятии. Мы находим там понятие субстанции и т.д. Об «условиях возможного опыта» здесь говорится не в психологическом смысле. Под этим понимается не что иное, как элементы, которые выявляются посредством анализа понятия опыта. Таким образом критика познания оказывается возможной без психологии. Более того, она не может привлекать к делу психологию, не оскверняясь при этом. Дедукция законности категорий не должна ставиться в зависимость от действительности одного единственного психологического факта или одного единственного закона.³

Хотя критицисты строжайших правил — критицисты-догматики! — представляют теперь это положение дел как данное на все времена, а всех инакомыслящих с самого начала подвергают строгой цензуре, все же многие прошлые и новые исследования, посвященные кантовскому учению, позволяют надеяться на постепенное взаимопонимание немногих крайностей по обе стороны противостояния. Речь идет прежде всего о вопросе: в какой мере и почему можно утверждать, что рассудок творит предметы и их закономерность (II); далее — вопрос о позициях, которые служат этому учению в качестве главных опор, отделение материи от формы (III) и учение о синтетической необходимости (IV). [472].

Относительно всех этих вопросов за прошедшее столетие было сказано немало, в том числе и замечательного. Однако для наших целей здесь учитывается лишь малая часть всего сказанного. Большая же часть и без того относится лишь к вопросам истолкования кантовского текста. Эти вопросы были спровоцированы самим Кантом, его темным и уязвимым способом изложения, что вынудило некоторых его интерпретаторов признать печальный факт многих противоречий в кантовском учении.⁴ Чтобы по возможности из-

³ См. среди пр.: Alois Riehl, *der philosophische Criticismus I*, S. («Die kritische Philosophie Kant's kennt keine Psychologie») 66, 247 u.s.f.

⁴ Виндельбанд в упомянутом выше сочинении приходит к выводу, что в одном из важнейших разделов «Критики чистого разума» мысль беспрестанно мечется между тремя различными позициями (S. 256 f). Файхингер вообще находит в «Критике ...» от трех до пяти различных

бежать такого рода дискуссий — а в принципе ведь обойти их невозможно, — я придерживаюсь истолкования, которое на данный момент является самым удобным и признается современными критицистами. К этому толкает нас не только замечание самого Канта, что «нет ничего необычного в том, если посредством сравнения мыслей, высказанных автором о его предмете, этот последний понимается лучше, чем его понимал сам автор, когда он недостаточно полно определил свое понятие, а потому говорил подчас вопреки собственному замыслу». Не руководствуемся мы при этом и одним лишь мотивом справедливости, что это «более мягкое и более сообразное с природой вещей истолкование» должно быть признано и за самим Кантом (А. Штадлер). Нет, к вышеуказанному выводу толкают нас и тактические соображения, ибо только в этом случае при обсуждении нашего важного [sachlichen] вопроса можно надеяться на реальную [sachlichen] пользу и взаимопонимание.

II. Творение природы рассудком.

Поскольку понятие как таковое существует только в сознании, постольку является несомненной истиной, что объединение [Zusammenfassung] явлений в понятие предмета, связь явлений [473] или понятий друг с другом с точки зрения каузальности, объединение всех предметов и каузальных связей в понятии природы, — что все эти синтезы являются мыслительными актами, функциями сознания. Ничего нельзя возразить и против того, что именно в соединении [Zusammendenken], ξυλλαβεῖν εἰς ἓν, усматривают характерную функцию способности мышления. Правда, не менее существенной кажется и другая функция, отмеченная наряду с первой Платоном, а именно, функция разъединения (τεμνεῖν) того, что дается единым образом в созерцании. Однако остается открытым главный вопрос: что нам позволительно, что мы можем и должны объединять в нашем мышлении? Ни общее понятие «функции единства», ни отдельные «формы синтеза» (категории) не дают нам для этого никакого руководства. Здесь действует известная теперь «трансцендентальная дедукция» и «схематизм» чистых понятий рассудка. Первое должно объяснить само право применения категорий к явлениям, а второе должно показать возможность или путь, на котором это может свершиться. Согласно нашему регрессивному плану, мы вначале рассмотрим второй момент — схематизм чистых рассудочных понятий.

1. (О схематизме). Согласно Канту, применение категорий к явлениям существует и управляется посредством схем, что значит, посредством пространства и времени, в которых упорядочиваются явления. Наиболее известным

понятийных рядов, которые соединены в «единый трудно распутываемый клубок аргументации». Не заверченный еще комментарий этого исследователя кантовской философии с его кропотливым сопоставлением и обсуждением всех истолкований являет нам унылую картину. При всем своем почтении к Канту, Файхингер не жалеет крепких выражений в адрес царящей в кантовском изложении путаницы. Часто он приводит в качестве доказательства довольно многих разных и даже противоположных толкований Канта именно у самих критицистов-догматиков, которые столь склонны объявлять недоразумением любое возражение в адрес кантовского учения. В одном месте он даже пишет об одном из лидеров критицистов, что тот уже сам по себе распространяет «целое облако недоразумений и темных, вычурных обращений». (I, 471).

примером, который мы здесь тоже прежде всего имеем в виду, — это применение категории причинности, опосредствованное временной последовательностью. Если за одним событием регулярно следует другое, тогда вводится в действие, как бы запускается, именно эта категория. Мы говорим тогда не просто о субъективной связи, определенной случайным направлением силы воображения, но о связи объективной: это значит не что иное, как разговор о каузально необходимой связи, подчиняющейся правилам причинности.

В ответ на естественное в этой связи сомнение, уже высказанное Шопенгауэром, а именно, что день и ночь тоже ведь регулярно сменяют друг друга, но от этого мы не ставим их в причинно-следственную зависимость, защитники Канта замечают, что у него речь идет не об отдельных явлениях, но об изменениях субстанций. А применение самого понятия субстанции уже разъясняется до этого Кантом. Поэтому мы можем, даже если тем самым мы только отодвигаем назад трудности [474] проблемы, ради максимально имманентной критики пренебречь указанным сомнением.

На еще одно возражение Кант тоже уже ответил; имеется в виду возражение о том, что причина и действие, строго говоря, всегда выступают одновременно, так что в момент, когда налицо все условия какого-либо события, оно в тот же самый момент должно и наступать.⁵ «Здесь следует, конечно, заметить, что все зависит не от течения времени, а от временного порядка: отношение [причины к действию] сохраняется даже в том случае, если не протекло никакого времени. Время между каузальностью причины и непосредственным ее действием может быть ничтожно малым (так что они существуют одновременно), но отношение между причиной и действием все же остается определенным по времени. Если шар, положенный на набитую подушку, выдавливает в ней ямку, то как причина этот шар существует одновременно со своим действием. Однако я различаю их по временному отношению динамической связи между ними. В самом деле, если я кладу шар на подушку, то на гладкой прежде поверхности подушки появляется ямка; если же на подушке (неизвестно почему) имеется ямка, то отсюда еще не следует свинцовый шар».⁶ (*Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 161. — Прим. пер.)

Но что желает тем самым Кант сказать: что мы различаем причину и действие посредством «временного отношения динамической связи»? Динамическая связь — это не временное отношение. Она ведь есть нечто такое, что мы еще только должны взять из темпорального отношения регулярной последовательности.

Объяснение этого момента дает, возможно, дает другое место кантовского сочинения, расположенное почти сразу после выше процитированного, т.е.

⁵ Уже Декарт объявил это очевидным положением: «Lumen naturale non dicitur ad rationem efficientis requiri, ut tempore prior sit suo effectu; nam contra, non proprie habet rationem causae, nisi quamdiu producit effectum, nec proinde illo est prior.» (*Respons. ad primas objectiones, Meditat.* 1685 p. 56).

⁶ Мы, пожалуй, должны здесь выразиться точнее в смысле самого Канта: «если же на подушке имеется ямка и я кладу на подушку шар, то отсюда не следует ее гладкая поверхность». Давление шара в соединении с прежней его поверхностью мы называем причиной, а его новая поверхность есть действие, и что как раз важно для Канта, временная последовательность этих обстоятельств или состояний остается необратимой.

там, где Кант подчеркивает. Что всякий переход в новое состояние совершается во времени и что всякая причина, действуя определенное время, производит в момент этого действия новое состояние посредством все меньших степеней. К этому можно еще [475] добавить, что то, что мы в строгом смысле называем причиной, а именно, полную совокупность условий некоего состояния, тоже собирается лишь постепенно. С учетом обоих этих соображений, можно сказать, что причина предшествует действию: скопление условий предшествует действию и в особенности, полному производству действия.

Если мы в силу данного истолкования не станем принимать во внимание и это возражение, тогда оно все же непосредственно ведет к третьему возражению, которое действительно без лишних разговоров считаю неразрешимым. И это возражение меньше всего является новым, однако постоянно должно заново проговариваться.

Если столь резко, как Кант, разделять понятие причинности и понятие временного течения, тогда из этих понятий уже нельзя понять, почему только более раннее могло быть причиной более позднего, а не наоборот. Тогда можно было бы тоже без всяких логических затруднений предположить, что более позднее выступает причиной более раннего, или что вообще нет никакого устойчивого временного отношения между причиной и действием.

У времени с категориями общим является априорность, а с чувственными созерцаниями — наглядность. И благодаря этому время занимает хотя и срединное, но отнюдь не посредствующее положение. Это не дает никакого основания для того, чтобы подводить [subsumieren] явления под категории. Резко, но небезосновательно, возражает против такой мотивировки Уберхорст: «Допустим, согласно нашему представлению о стакане, у этого последнего общим с листом дерева является зеленый цвет, а с воздухом — прозрачность. Можно ли теперь с помощью этого представления подвести листу под понятие воздуха?»⁷ Наконец, в лучшем случае из этого вытекала бы лишь применимость категорий вообще, а не это определенное отношение причинности к временной последовательности в противоположность к обратному отношению.

Единственным основанием, на которое можно было бы, приняв кантовские предпосылки, опереться при выведении этого определенного отношения, — это указанное постепенное накопление условий (пока причина не станет полной) [476], а также постепенный рост действия, начиная с первого момента деятельности. Однако оба эти момента суть, как мне представляется, эмпирические факты. И кажется невозможным вывести их из понятия причины и действия.

Однако из предпосылок критики разума невозможно сделать вывод о том, почему то же самое действие может производиться разными причинами, в то время как одна и та же причина всегда имеет только одно действие. Если последний тезис действительно дается а priori вместе с понятием причинности, почему тогда не дан а priori первый тезис? Пример такой «последовательности» в рассуждениях можно найти у одного из именитых современных представителей этого учения: «Фактически мы все утверждаем, что

⁷ Kant's Lehre vom Verhältnis der Kategorien zur Erfahrung (1878), S. 20.

вода вообще не может перейти в кипящее состояние, если этому не предшествует производство тепла, а огонь *в любое время должен уже* наличествовать, прежде чем может наступить кипение воды». Однако фактически мы *не* все утверждаем это. Вода может кипеть и без огня и тепла, к примеру, посредством уменьшения давления воздуха. Естественно, ничто не поможет, если это истолкуют таким образом, будто посредством уменьшения давления или благодаря нагреванию будет создано одно и то же определенное состояние молекул воды, которое потом регулярно имеет своим действием кипение, так что это действие все же всякий раз производится посредством одной и той же причины. Ибо теперь указанное состояние молекул должно производиться посредством двоякого рода причин.

Аналогичное тому, что было сказано о понятии причинности, справедливо и для понятия субстанции. Возможно, обоснование применимости кажется здесь более убедительным, и это проистекает из того, что Кант с самого начала определяет субстанцию как нечто постоянное, неизменное, что включает в себя понятие времени. «Временем, которое само не меняется и остается, в явлении соответствует неизменное в существовании, и это есть субстанция, в отношении которой только и могут определяться одновременно существующее или последовательное по времени».

Или отличительную черту постоянства [Beharrlichkeit] следует понимать в буквальном смысле (и тогда в понятии субстанции заключен временной отличительный признак, что совершенно противоречит сущности категорий), или постоянство нужно понимать в каком-то лишь переносном смысле, и тогда совершенно тщетным делом является доказательство подвоимости [Subsumierbarkeit] посредством простой аналогии.

[477] Ясно, что то же самое относится ко всем категориям. Это, стало быть, не есть путь или возможность для очевидного применения категорий к явлениям. Это применение могло бы основываться только на произвольном полагании [Setzung] или на непостижимом психологическом *принуждении*, но тогда мы оказались бы в фарватере полного скептицизма. Ибо слепое принуждение к связыванию явлений с понятиями, не утруждающее себя вопросом о их родстве, о прямой или косвенной предметной [sachlichen] связи между ними и не имеющее даже тени понимания оснований [das Warum] для их связывания, — без всего этого такое принуждение будет постоянно возбуждать вопрос о правомочии данной процедуры. Если бы критика познания сводилась к простой констатации такой психологической машинерии, тогда бы она сама, таким образом, переходила в психологизм наихудшего сорта. Против голого принуждения духовной организации, в чем, впрочем, некоторые (например, Альберт Ланге) усматривают суть кантовского учения, против такой «преформации чистого разума» Кант высказался довольно резко. «Я не смог бы сказать: действие связано с причиной в объекте (т.е. необходимо), но я так устроен, что могу мыслить это представление не иначе как только связанным таким образом. И это есть как раз то, что более всего желанно скептику; ведь тогда все результаты нашего познания ... есть чистая видимость, и не было бы недостатка в людях, которые не сознались бы в этой субъективной необходимости (которая должна быть прочувствована). По крайней мере, было бы невозможно с кем-либо спорить о том,

что имеет своим основанием нечто лишь организованное его субъективностью». (Kehrbach's Ausg. S. 683). И все же при недостатке очевидных доказательств мысль неизбежно увлекается к такой преформационной системе, а значит, и к скептицизму. Если просто заявить: «Применение категорий описанным способом есть условие опыта; без нее мы были бы должны отказаться от всего научного опыта», — то этого мало, чтобы убедить скептика. Отсюда он как раз сделает вывод: «Следовательно, мы должны отказаться». Если критицист ссылается на то, что фактически все же имеется опытная наука, то скептику достаточно лишь выставить самого себя в доказательство того, что все-таки можно сомневаться в опыте в смысле допущения безусловно действительных природных законов. И наверняка такое сомнение обнаружит [478] свою неразумность не посредством все еще обстоятельного выявления механизма тесно взаимосвязанных форм и схем, но только посредством поисков *логических* средних членов, которые ведут к этим формам и схемам от результатов непосредственного познания. Не так называемое «подтверждение» [Nachweise] в смысле критицистов, а только *доказательство* [Beweise] в обычном смысле логики может нам здесь помочь.

Тем самым мы уже находимся в лоне проблемы, которую Кант хотел решить посредством «трансцендентальной дедукции». Эта дедукция должна прояснить не частный вопрос о способе применения категорий. Но показать вообще право на такое применение. Когда основание для такого применения в частности не является доказуемым, и ненужным, если оно доказуемо, тогда это с самого начала кажется тщетной затеей. Однако и здесь я бы не преминул обозначить тот пункт, который мог бы образовать «критический» поворотный пункт в двояком смысле слова.

2. (О трансцендентальной дедукции). Вспомним те виды деятельности, которые Кант перечисляет под именем синтеза схватывания [Apprehension] в созерцании, воспроизведения [Reproduktion] в воображении и узнавания [Recognition] в понятии или в трансцендентальной апперцепции. Мы примем это перечисление просто как результат критического метода, не настаивая на психологической природе данных видов деятельности и на необходимости их психологической проверки. Как известно, эти виды деятельности, в целом, ведут, в лучшем случае, лишь к пониманию того, что в природе и в движении нашего познания заключена функция внесения связи в мир явлений. Однако это не ведет к положению о том, что мир явлений присоединяется к этой связи.

Если мы спросим современного физика о том, почему он отождествляет свет и электричество, то он сошлется на определенные особенности явлений. Вначале он считает себя вправе соотнести явления света и электричества, как они даются нам органами чувств, но с учетом интерференции и прочее, с объективными волновыми движениями. Далее, он отождествляет эти движения. Философ, сколько бы он вообще ни связывал с этим сомнений относительно понятия внешнего мира, ни в коем случае не должен упускать из вида, что *определенные* синтезы могут быть получены только посредством учета особой природы явлений, а также их многообразных пространственно-временных комбинаций. [479] Но если во всех отдельных случаях определенные синтезы должны обосновываться при помощи определенных осно-

ваний, позаимствованных у самих явлений. Тогда нам не нужно никакого обоснования а priori и в целом, да такое обоснование и невозможно. Здесь не утверждается: понятие естественного закона или возможность такового в целом основана исключительно в рассудке, а частные действующие естественные законы — в применении рассудка к явлениям. То, в чем основаны все специальные естественные законы, в этом же основано и общее понятие естественного закона, являющееся лишь абстракцией от частных естественных законов.

Таким образом, в данном нам материале явлений должны быть найдены решающие, логически очевидные основания всех синтезов. Понятия предмета, природы, естественного закона являются (если воспользоваться схоластической формулой, неоднократно использованной в спорах об универсалиях) *entia rationis cum fundamento in re*; под «res» понимаются прежде всего явления, а потом, конечно, и объективные вещи, без которых, в свою очередь, нельзя понять явления.

В «трансцендентальной дедукции» ни одно из многих встречающихся там технических выражений и понятий не является столь необычным, как понятие *сродства* [Affinität] или «ассоциируемости» [Associabilität] явлений (см. 1-е изд. «Критики чистого разума»), из-за чего, согласно Канту, чисто случайная связь представлений отличается от той, которую мы высказываем как естественный закон. Явления, как ясно выражается Кант, — должны быть «сами по себе ассоциируемы». Правда (или, лучше сказать, к сожалению), он тут же добавляет: «Найти это основание можно не иначе как в основоположении всех знаний, которые должны принадлежать мне». (Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 512. — Прим. пер.) Кант совершенно противится тому, чтобы допустить сколько-нибудь существенную роль того, что нам чувственно дано. Именно в этом тщетном старании заключена, как мне кажется, конечная причина той неясности, которую читатели знаменитого кантовского сочинения обнаруживают особенно в этом его разделе.

Аналогичное выражение содержит [480] раздел, посвященный синтезу узнавания, — с тем только отличием, что вместо явлений в качестве определяющего и дающего единство признается поюсторонний предмет. В этом разделе Кант обозначает предмет познания как нечто «противное тому, чтобы наши знания определялись не произвольно и как попало, [а согласное с тем, чтобы они определялись]⁸ некоторым образом а priori». Однако сразу же Кант добавляет, что в случае обусловленного этим X единства речь может идти только о формальном единстве сознания в синтезе.

В этом почти тавтологическом выражении современные критицисты следуют за Кантом. Один из них, говоря о единстве апперцепции, выражает свои мысли следующим образом: «Мы можем познать о вещах только то, что мы сами в них вкладываем. Откуда берем мы даже то, что мы должны вкладывать в вещи, чтобы что-то узнать о них? Если мы отвечаем: из созна-

⁸ Таким вот образом с полным основанием дополняет Фолькерт кантовское выражение, противное правилам немецкого языка. (Kant's Erkenntnistheorie nach ihren Grundprincipien analysiert, S. 114–5). Фолькерт безусловно прав и в том, что под предметом X здесь следует понимать не категорию субстанции (как полагает Коген), а вещь саму по себе.

ния, то мы мыслим сознание как совокупность средств и методов, которые и составляют указанное вкладывание». ⁹ Не возвращаемся ли мы здесь просто в порочном круге? Мы берем то, что мы должны вкладывать в вещи, из совокупности методов, которые образуют это самое вкладывание.

Напротив, я думаю найти решающее проникновение в суть вопроса у другого, в целом весьма убежденного последователя критицизма. Он различает в сознании «осознание» и содержание. «В осознании как таковом не могло бы найти обоснования никакое единство, — вроде единства закона и тем самым единства предмета ... Осознание лишь некоторым образом определяется посредством определенности содержания. Таким образом только содержание, причем с учетом его связи в каждом отдельном сознании, есть то, что дает психическому факту или факту сознания их собственно позитивный смысл ... Поэтому фундаментально определяющими являются как раз объективные (содержательные) единства». ¹⁰ [481]

На самом деле, является только половиной истины или даже меньше половины то, что без устали повторяет нам критицизм, а именно, что мы вносим порядок и закономерность в явления, что рассудок есть источник природы и ее законов. Мы не можем принять односторонность этого утверждения, на основе которого потом отвергается участие психологии в деле теории познания. Но можно ли, в случае правильности этого утверждения, сделать из него с полным основанием такой вывод (ибо кто-то может захотеть сделать противоположный вывод), ¹¹ — этот вопрос мы оставим здесь без рассмотрения.

Но, вероятно, отныне надо показывать непосредственно на основаниях критицизма, каким именно образом пренебрежение психологическими исследованиями привело к выдвиганию тезисов, которые мы только что с самой теоретико-познавательной точки зрения признали односторонними и в этой их односторонности неосуществимыми. Речь идет прежде всего о проходящем через все наши представления различии между материей и формой.

III. Материя и форма.

Это различие Кант считает необходимым проводить не просто посредством противопоставления категорий и явлений, но также уже внутри чувственного восприятия, называя пространство и время, в противоположность чувственным качествам (цвету, звукам и т.д.), чистыми формами созерцания.

Как бы мы теперь ни настаивали на том, что данное различие было найдено и обосновано Кантом не в силу психологических соображений; что свои

⁹ Cohen, Kant's Theorie der Erfahrung. 2. Aufl. S. 142.

¹⁰ Natorp, Einleitung in die Psychologie nach kritischer Methode (1888) S. 112 f.

¹¹ Как, к примеру, Виндельбанд (Windelband. Viertelj. Schr. f. wiss. Phil. I 247): «Категории действительны а priori для любого опыта, потому что они делают то же самое. Если этот аргумент является решающим, тогда и в этом пункте кантовское учение покоится на психологическом познании. Ибо то, что опыт имеет место благодаря категориям, — это можно познать только посредством психологического анализа. На самом деле ведь не вызывает сомнений и психологический характер этой дедукции и т.д.»

выводы относительно пространства и времени Кант называет «метафизическими размышлениями»; что решающий мотив этих размышлений заключается в возможности синтетических суждений а priori и в особенности математических знаний, — как бы то ни было: так [482] полученное знание должно выстоять испытание психологией. *Ничто не может быть истинным в теоретико-познавательном отношении и одновременно психологически ложным.*

По моему убеждению, указанное испытание уже было произведено. Отмеченное выше различие с психологической точки зрения является совершенно несостоятельным. Более того, оно даже было в значительной мере вредным для прогресса исследований, причем вредным и во всех других областях, на которые оно переносилось. Ибо так называемая формальная логика, этика, эстетика, — все они связаны в своей бесплодной односторонности с этим теоретико-познавательным различием.

Все, о чем мы вообще думаем и говорим, именно в тот момент, когда мы об этом думаем и говорим, является eo ipso содержанием нашего сознания. И поскольку критицизм не желает развивать учение о бессознательном, а геометрия, возможность которой еще должна быть объяснена, тоже имеет дело с пространством как осознанным представлением, постольку пространство, время, причинность и т.д. должны, без сомнения, считаться в этом самом широком смысле содержаниями сознания.¹²

Далее, с давних пор различаются абсолютные и относительные содержания (представления отношения [Verhältnsvorstellungen]), и уже Тетенс подробно обсуждал этот вопрос. Однако указанное различие не вполне совпадает с кантовским. Скорее, Кант называет «материей» чувственные качества, например, твердость, цвет, а «формой», напротив, «то, благодаря чему [483] многообразное явление может быть упорядочено в определенные отношения». (Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 48. — Прим. пер.) Так, многие цвета могут являться в различных пространственных и временных порядках. Сразу же видно, как это понятие формы как организационного принципа явлений можно применить и к категориям. Это понятие охватывает отношения, как, например, причинность; оно охватывает также пространство и время, которые нельзя причислить к одним только отношениям.

«То, благодаря чему ощущения (многообразное явление) упорядочиваются в отношения, само, в свою очередь, не может быть ощущением». При по-

¹² Кант выражает это не всегда одинаковым образом. Неоднократно он говорит о формах как чистых [blossen] условиях созерцания или как о возможностях, которые как таковые совершенно не могут быть представлены в себе самих. (Ср.: Cohen а.а. О. 152: «Эта возможность в явлении ... это потенциальное отношение называется формой».) Но теперь, полагает Кант, эти возможности могут быть подняты до содержаний сознания и стать зримыми. Тогда как раз они не являются больше формами в прежнем смысле слова. Но все же и в этом случае они называются не просто созерцаниями, а также формами созерцания. Более того, и те рассуждения, посредством которых Кант желает объяснить пространство и время в качестве таковых форм, относятся с очевидностью к пространству и времени как содержаниям сознания. Можно было бы спросить, что, в принципе, может быть общего между тем, что мы знаем как пространство и время, и как можно вообще это описать? В любом случае, Кант и в тех местах, которые мы в дальнейшем будем иметь в виду, говорит о пространстве, протяжении, образе и т.д. как о *представленных* формах. Он даже утверждает, что эти формы могут представляться и сами по себе, в отдельном виде.

мощи этого тезиса впервые в «Критике чистого разума» вводится разделение и противоположность материи и формы. Поэтому, делается далее вывод, хотя материя всех явлений дана нам а posteriori, форма для них целиком должна а priori находиться готовой в душе, а потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения. Далее, Кант подчеркивал также, что от представления о теле можно абстрагировать все, что относится к ощущению (твердость, цвет) и все же сохранить при этом протяженность и образ [Gestalt]. Тем самым он, к примеру, имеет в виду не простое различие в способе абстрагирования: ибо таковое имеет место и тогда, когда мы отличаем качество от интензивности, хотя и то, и другое относится к содержанию, к ощущению.

Теперь у психологии появлялся повод для участия в разговоре и, сразу же добавим, для выражения. Современные нативисты и эмпиристы, как бы ни расходились они между собой в теории пространственного представления, все же полностью единодушны в том, что невозможно представить пространство, протяжение, образ без какого-либо чувственного качества. Мне вообще известен только один единственный автор, который еще открыто занимает кантовскую позицию в этом вопросе и приписывает себе способность представлять квадрат на каком угодно фоне как полностью бесцветный (даже [484] не как черный, серый или белый).¹³ Как это может происходить, если контуры квадрата не выделяются, по крайней мере, благодаря различию по яркости, на каком-либо светлом или темном фоне, сказать трудно. И не нужно ли тогда и движение уметь представлять без участия каких-либо чувственных качеств? Ведь движение, согласно самому Канту, предполагает «нечто эмпирическое», т.е. ощущения. (Kehrbachs Ausg. S. 66). Движение есть перемена места, фигура есть целое различий места. Подобно тому, как перемены места в зрительном образе (включая и зрительный образ фанта-

¹³ O. Liebmann, Zur Analysis der Wirklichkeit 2. Aufl. S. 234.

Коген обвиняет меня (а.а.О 105) в искажении кантовского утверждения в моей работе «О психологическом происхождении пространственного представления», где я высказал вышеупомянутое возражение. Кант, — утверждает Коген, — говорит о «предметах», которые можно абстрагировать из пространства, а я, напротив, — о цветах. Очень может быть, что в другом месте Кант говорит о *предметах*, однако именно в том месте, против которого направлено мое возражение, и которое я дословно цитирую, но которое Коген, правда, при цитировании моего возражения указывает только точками, — так вот, в этом месте Кант пишет следующее о *цветах*: «Когда я отделяю от представления о теле все, что рассудок мыслит о нем, как-то: субстанцию, силу, делимость и т.п., то у меня остается от этого эмпирического созерцания еще нечто, а именно, протяжение и образ. Все это принадлежит к чистому созерцанию, которое находится в душе а priori также и без действительного предмета чувств или ощущения, как чистая форма чувственности». (Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 49. - Прим. пер.) Нельзя яснее этого выразить мысль о том, что мы не в состоянии представить протяжение без цвета.

Можно, конечно, было бы поспорить о том, обоснованно ли привлек я указанное место кантовского сочинения к толкованию другого его места, где Кант утверждает: «Никогда нельзя представить себе то, что не было бы пространством, хотя вполне можно помыслить отсутствие предметов в нем». (Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 50–51. - Прим. пер.) Я и считаю правильной эту интерпретацию последнего места из Канта при помощи первого. Ведь и в первой цитате сразу речь заходит о предмете: «без действительного предмета чувств или ощущения», и без того очевидно также, что во второй цитате под предметом может подразумеваться только эмпирический предмет, т.е. комплекс ощущений.

зии) не представимы вне какого-то качества, меняющего свое место, так и различия места представимы не иначе, как в виде качеств, которые занимают различные места.

Не один только Юм или Беркли,¹⁴ но также современник Канта, Платнер, как бы мало ни был он, в целом, сравним с Кантом по философской глубине и остроте, в этом пункте все же занимал более правильную позицию, чем упомянутый выше автор. В первом томе своих «Философских афоризмов», вышедших за несколько лет до «Критики чистого разума», Платнер показывает (S. 244), что идея протяжения как зрительное представление неразрывно связана с идеей цвета.

То обстоятельство, что цветовые качества упорядочиваются в пространстве, что одни и те же качества могут являться нам в различном пространственном порядке, еще не обосновывает отделение пространства от всего содержания ощущений. Качества являются нам и с изменчивой [485] интенсивностью, так что несколько качеств могут одновременно проявляться с неравной интенсивностью, и все же интенсивность дана в качествах и вместе с качествами во всем содержании ощущений, причем дана и как момент содержания, и как само качество. В целом, из содержания ощущений могут заимствоваться самые разные принципы упорядочения. Не только пространство и время, но также система звуковых и цветовых качеств, система интенсивностей, яркостей, степени насыщения и все прочее, что различается в явлениях, — все это образует, согласно современному выражению, множества одного или нескольких измерений. Эти множества даже до известной степени допускают применение математических способов рассмотрения, однако речь при этом не идет о простом перенесении пространственных аналогий. Местоположения, система которых образует пространство, суть лишь особый класс множеств.

Можно также, далее, непрямым способом показать, что указанное отделение не выполнимо. Если бы местоположение и время, пространственное и временное протяжение, пространственный и временной порядок не были бы даны в общем содержании нашего чувственного восприятия, аналогично интенсивности, и не были бы связаны с качественным моментом, тогда у нас никогда и нигде не было бы оснований для того, чтобы их туда привносить.

Мы воспринимаем различные чувственные качества не в неизменном протяжении и не в неизменных пунктах, но с постоянно меняющимися пространственными определениями. Кант, как уже заметил Герbart, оставил без внимания вопрос об основании *определенных* локализаций. Эти пробелы пытался заполнить Лотце. Он, правда, вместе с Кантом допускал а priori «уже находящимся» принуждение к пространственным созерцаниям, однако определенные меняющиеся локализации самих по себе непространственных и неупорядоченных качеств он считал обусловленными так называемыми локальными признаками. Под этими последними он понимал чувственные качества иного рода. Они-де должны как мускульные ощущения глаза помочь нам в локализации прежде всего непространственных цветовых ощущений. Эта теория, однако, обнаружила свою несостоятельность уже по-

¹⁴ См. приведенные места на с. 24 упомянутого выше сочинения.

тому, что тонкость и точность этих мускульных ощущений далека от тонкости и точности оптических локализаций, и как раз те впечатления, которые позволяют наиболее четкое пространственное [486] различение, а именно, различение сетчатки, одновременно воспринимаются и локализуются рядом друг с другом без всякого движения.¹⁵ Ведь очевидно, что локальные признаки в смысле Лотце вообще ничем не могут помочь, даже если вместо мускульных ощущений задействуется какой-нибудь другой вид качеств (а попытки такого рода предпринимались неоднократно, но постоянно прекращались), или когда ограничиваются чисто абстрактным постулатом о таких вспомогательных ощущениях. Как раз во всех этих случаях у нас есть в восприятии одновременно две суммы качеств: сумма цветов и сумма вспомогательных ощущений, и отсутствуют основания, по которым мы могли бы определить, каким образом эти суммы соподчиняются, и как соотносятся члены обеих этих множеств. Для этого нужно было бы опять постулировать знаковую систему и так далее до бесконечности.¹⁶

Некоторые, основываясь на специфических энергиях нервных волокон (зрительных или тактильных), понимают под сохранением впечатления локальные признаки, среди которых содержательные, хотя и бессознательные определенности самого соответствующего [487] ощущения (зрительного или тактильного).¹⁷ Но тем самым осуществляется полный отказ от

¹⁵ См. мою работу: «Ursprung der Raumvorstellung» S. 97 f., а также: Th. Lipps: «Psychologische Studien» S. 19.

¹⁶ Когда Лотце сравнивает локальные признаки с этикетками, благодаря которым можно восстановить библиотеку, то это, скорее, соответствовало бы предпосылкам теории о том, что этикетки как бы в несвязном виде рассыпаны в книжных ящиках (ибо какая связь есть между между разнородными качествами?): Таким образом, указанное сравнение служит лишь тому, чтобы еще ярче осветить слабый пункт аргументации Лотце.

Я заметил (а.а.О. S. 19), правда, лишь относительно двигательных ощущений, что в случае, когда мы спокойным взором воспринимаем окрашенную поверхность, где, по Лотце, должно возникать «уже до этого соответствующее ассоциированное» ощущение движения в качестве локального признака, — что в этом случае отсутствует репродуктивный момент, который мог бы делать ассоциацию действительной. В вышеуказанной форме возражение в адрес теории Лотце было за последнее время выдвинуто Ф. Brentano (в лекциях) и Рейнхольдом Гейгером в «Философском журнале» (Philosoph. Monatsheften XXI 1885 S. 543 f.). Но последний считает невозможной реабилитацию этой теории посредством вспомогательных допущений. Апперцепция цвета может быть на уровне центральной нервной системы связана с усилением оптического возбуждения, посредством чего в дальнейшем может быть немного усилен уже наличный импульс движения. Только вот чем помогли бы нам эти физиологические механизмы? Мы имели бы тогда именно сумму более сильных цветовых ощущений и сумму более сильных (гипотетических) ощущений движения, но психологически оставалось бы необъясненным, как эти более сильные ощущения соотносятся друг с другом, как это было ранее неясно в случае более слабых ощущений. Позднее Хёфдинг (Там же, XXIV S. 426) ради решения этой трудности просто отверг возможность локализации одновременных впечатлений, а их кажущееся одновременное расположение свел к их последовательному расположению, легко возникающему путем упражнения. Но помимо того, что темпоральное единство на кантовской основе уже и без того повлекло бы за собой трудности, все же является неопровержимым экспериментальным фактом, что и при исключении всех движений, как, например, при моментальном освещении при помощи электрической искры, мы воспринимаем пространственное распределение зрительных впечатлений. Поэтому нам представляется, что Хёфдинг вообще не понял вышеуказанную трудность. В его психологии (см. немецк. изд.: 1887 S. 252—3) этот вопрос полностью обходится вниманием.

исходного понятия и от кантовского основания, от разделения материи и формы.

Аналогичным образом следовало бы рассуждать и о времени. Темпоральные признаки были бы необходимы для того, чтобы подсказывать нам, какое чувственное содержание следует полагать раньше, какое — позже и т.д. Конечно, нельзя просто возразить на это, сказав, что любое качественное впечатление сопряжено как раз с тем моментом времени, в котором оно воспринимается. Ибо ведь сами по себе качества должны быть вневременными, в временными они становятся только посредством соединения и расположения.

Правда, бывают случаи, когда пространственную величину или положение, а также продолжительность и положение во времени, мы не *воспринимаем* [wahrnehmen] в чувственных содержаниях, которым мы приписываем эти определения, а только *допускаем* [annehmen] при наличии определенных оснований. К примеру, когда по голубоватой окраске гор мы устанавливаем их удаленность от нас, а по сильной конвергенции глаз — при фиксации объекта — его пространственную близость, или когда по смутности воспоминаний мы судим о степени отдаленности во времени соответствующего события. Эти основания для допущений можно было бы назвать локальными (темпоральными) признаками в самом подлинном [eigentlichsten], хотя отнюдь не первоначальном [ursprünglichen] смысле этого слова. Но ясно, что их употребление уже предполагает первоначальные пространственные и темпоральные ощущения. Из таких критериев не может *образоваться* пространственное представление и пространственное расположение, равно как и временная последовательность зрительных впечатлений.

Даже для классификации и расположения *интенсивностей*, в связи с чем ощущения какого-либо органа чувств меняются от самых слабых до самых сильных, а определенное ощущение каждый раз занимает определенное место в ряду интенсивностей, равно как и несколько ощущений различной силы могут быть одновременно даны одному и тому же органу чувств, — даже для этого требуются аналоги локальных признаков. И это, конечно, является логичным, даже если авторы таких гипотез могли не сознавать их происхождения из кантовского учения о форме. Однако проблема, которую желают решить, снова здесь появляется: чтобы быть основанием для образования рядов и расположения, признаки должны [488] всегда уже составлять ряд, и положение каждого из них в ряду должно быть различимо для сознания. Таким образом, если в каждом рядообразовании и расположении заключена проблема, которую можно решить только посредством допущения системы признаков, тогда это уходит в бесконечность. Где-то в ощущениях, непосредственно вместе с ними, должен все-таки быть дан их порядок в качестве имманентной особенности.

Наконец, аналогичное имеет силу и для тех «мыслительных форм», которые Кант противопоставляет материи ощущений, *понятиям отношения*. Сами пространство и время суть не просто отношения, но только основания определенных отношений, а именно, пространственных и временных, — по-

¹⁷ См., к примеру, Ауэрбах и ф. Крис в: Dubois-Reymond's Archiv f. Physiol. 1877 S. 342, 349.

добно тому, как интенсивность и качество являются основаниями для отношений интенсивности и качества. Однако и в случае так называемых чистых понятий отношения, к примеру, единства и множества, работает принцип, согласно которому множество должно быть не чем-то привходящим к чувственно воспринятым звукам или цветам, но должно уже в них быть дано. Правда, и здесь можно при случае заключать из признаков к наличному в ощущениях множеству, которое, однако, нельзя сразу же и распознать. Но посредством таких множественных чисел также еще нельзя создать множество; и где-то оно должно познаваться непосредственно.¹⁸

Так же обстоит дело с аналогией или равенством — понятиями, которые Кант не включил в таблицу своих категорий (но мы оставим здесь без рассмотрения вопрос о том, позволяют ли эти понятия подводить себя под категорию единства). То, что средний тон более сходен с низким тоном, чем высокий тон, должно заключаться в их собственной природе, принцип порядка должен быть им имманентен. И здесь были предприняты попытки, аналогичные со случаем пространства: были привлечены к делу мускульные ощущения, чтобы вывести отсюда порядок тонов. И снова надо признать, что во многих случаях такие [489] сопроводительные ощущения служат в качестве вспомогательных критериев. Однако порядок познаваем и непосредственно, и если бы он таковым не был, тогда было бы невозможным и любое непрямо́е познание.¹⁹

Точно также обстоит дело с причинностью и другими категориями. То, что Кант называет схемой, на самом деле является не чем иным, как такой системой признаков, к которой относятся каузальные и субстанциальные признаки. Так, именно данное выражение использовал для этого и один из современных авторов.²⁰ Лотце едва ли думал о том, что со своей теорией локальных признаков он перенес проблему схематизма понятий чистого разума на чистые созерцания. В действительности схематизм является здесь таким же принудительным требованием учения о формах, как и там.

И в случае причинности следует признать, что, конечно, не везде, где мы ее *допускаем*, мы также и *воспринимаем* ее в явлениях. В таких случаях должны посредничать опять-таки вторичные критерии, поиск и точная формулировка которых составляет одну из главных задач теории познания. Но где-то здесь должно иметь место и непосредственное восприятие, ибо в противном случае у нас не было бы прототипа для перенесения; И нигде в другом месте не может быть воспринято отношение, как только в содержаниях и вместе с содержаниями, находящимися в отношении. Если понятие причин-

¹⁸ Когда я говорю, что множество дано в самом чувственном впечатлении, то это, конечно, нельзя понимать в точно таком же смысле, как и в случае других отношений, к примеру, в отношении подобия. Множество как таковое мы не можем постичь без рефлексии об объединяющем акте, тогда как подобно для своего восприятия не предполагает аналогичную рефлексию. См. об этом гуссерлевскую «Философию арифметики», в особенности: S. 70 f. Однако здесь мы все же можем абстрагироваться от этого различия. Мы должны именно по самому данному абсолютного содержания замечать, включает ли оно множество, и никакие «признаки» не могут нам этого непосредственного восприятия.

¹⁹ См. об этом (а также о признаках интенсивности и множественности) размышления, цитируемые в моей «Психологии звука» под рубрикой «Признаки» и т.д. в регистре 2-го тома.

²⁰ R. Falckenburg, *Geschichte der neueren Philosophie* S. 277.

ности врождено нам (в каком бы то ни было смысле), тогда вместе с этим понятием должны быть врождены и содержания, отношение которых мы как раз постигаем и мыслим как понятие причинности. Если же это понятие приобретает (в каком бы то ни было смысле), тогда опять-таки одинаковым способом, в том же смысле должны приобретаться и соответствующие абсолютные содержания. В обоих случаях постижение отношения есть вид восприятия [Wahrnehmung], или, если хотят говорить о «различении» [Wahrnehmen] только именно при абсолютных содержаниях, то есть вид «замечания» [Bemerken], которое аналогично различению.

Оглянемся назад. Отделение формы от материи в кантовском смысле не оставляет нам никакой возможности доля того, чтобы предикатировать форму материей, чтобы обозначать определенные впечатления как находящиеся здесь или там, как множество, как действия и т.д. Это отделение столь же невыполнимо, как и онтологическое отделение формы от содержания [490] у Аристотеля и схоластов; причем нельзя сказать, что между онтологическим и гносеологическим отделением формы от содержания нет никакой связи. (См. Приложение № 1). И это гносеологическое отделение, как и онтологическое, причинило вред посредством многочисленных теорий, которые основывались на возникающей из-за этого мнимой проблемы.²¹

Ссылкой на самое существенное в исследованиях, как моих, так и чужих, проведенных в другом месте, я стремился подтвердить здесь то, что психо-

²¹ Я, конечно, не хочу сказать, что было бы невозможно придать выражениям «материя» и «форма» (если уж непременно должны быть сохранены эти *слова*) какое-либо значение, совместимое с психологией, хотя и не совместимое с обычным словоупотреблением. И также не стал бы утверждать, что между пространством и временем, с одной стороны, и чувственными качествами — с другой, вообще нет никакого различия. Однако мне кажутся неудачными попытки, сделанные для того, чтобы указанное двойное противопоставление зафиксировать в близком кантовскому учению смысле.

К примеру, к гельмгольцевской попытке спасения в отношении пространства (Tatsachen in der Wahrnehmung S. 14 f.) я не могу присоединиться уже потому, что в силу многочисленных новейших исследований мне представляется окончательно необоснованным предположение об иннервативных ощущениях [Innervationsempfindungen], т.е. о восприятии двигательных импульсов в образе ощущений, на что опирается новое истолкование Гельмгольцем кантовского учения.

В своей «Системе философии» (S. 109 f.) Вундт делает сходную попытку, указывая на то, что пространственные и временные свойства в нашем представлении не могут измениться без изменения качеств, хотя последние вполне могут изменяться без изменения указанных свойств. Вундт отмечает также, что при постоянной пространственной и временной форме качества могут варьироваться как угодно, тогда как этого нельзя сказать о форме при постоянных качествах. (См. об этом также в статье, опубликованной после выступления в Академии с соответствующим докладом: Was uns Kant nicht sein kann, Philos. Studien VII, 1). Однако фактически локальный и темпоральный момент столь же независимо изменчив, как и качественный момент (противоположный взгляд основывается как раз таки тоже лишь на чисто гипотетических иннервационных восприятиях или прочих «локальных признаках»). И фактически при постоянном качестве впечатлений пространственное и временное расположение может также по любому варьироваться, как и наоборот, при постоянстве пространственного и темпорального момента может как угодно варьироваться качество впечатлений. Мы можем одни и те же шесть цветов представить в самых разных пространственных отношениях, а одни и те же шесть звуков — в самых разных временных отношениях (включая частичную или тотальную одновременность).

логия способна доказать несостоятельность этих теорий признаков, а тем самым и разделение формы и содержания в наших представлениях, — этот якобы установленный «критическим методом» результат. И если это теперь так, тогда нет нужды говорить о том, что психологические исследования совершенно необходимы для теоретика познания.

На долю психологии, как и прежде, выпадает сейчас позитивная задача на службе теории познания: все более точно выяснять происхождение пространственных и временных представлений, но прежде всего — представлений отношения. В случае этих последних речь идет о том, чтобы найти те содержания восприятия (все равно, будет ли оно так называемым внешним или [491] внутренним), в которых может быть схвачено такое отношение, и чтобы посредством тончайшего разложения данного сделать возможным абстрагирование отношения от прочего содержания восприятия. Причем нельзя исключить, что такое понятие отношения, как причинность, состоит из нескольких составляющих его понятий отдельного происхождения. Только посредством разложения «впечатлений» [Impressions] приходим мы к последним элементам понятий, с которыми мы управляемся в обычном мышлении, к элементам, которые потом по мере надобности различным образом комбинируются в научном мышлении. Так, могут возникать целые науки посредством разложения комплекса, до того считавшегося неделимым. Примеры этого дает в особенности история математики. Конечной целью этой психологической работы (хотя и не всегда исполняемой только психологами) стала бы генетическая классификация простейших понятий отношения. Она будет значительно отклоняться от таблицы категорий, полученной «критическим» путем. В особенности следовало бы учесть те многочисленные отношения, которые имеют место между частями целого, ибо мы в очень разном смысле говорим о частях. Однако мы еще очень далеки от этой цели.

Тетенс именно эту задачу ставил энергичнее всех других психологов нашего столетия, даже энергичнее, чем большинство психологов до и после него. Поскольку историческая оценка заслуг этого исследователя тесно связана с нашей темой, (См. введение), а с другой стороны, ее рассмотрение нельзя прерывать чисто историческими отступлениями, постольку мы хотим самое существенное из его учения, касающееся нашей темы, собрать в Приложении (2 а).

Критицисты, стремясь оставить за категориальными списками Канта независимый от всей психологии смысл, теперь обычно придают значение тому, что этим совершенно ничего нельзя сказать о происхождении пространственных, временных, каузальных и др. представлений. Кант, — утверждают критицисты, — в столь малой степени является приверженцем врожденной или в каком-либо еще смысле первоначальной природы пространства, что, скорее, с кантовскими предпосылками вполне согласуется постепенное приобретение этого представления по принципам современных эмпиристов. В этой связи ссылаются на известное место из кантовского возражения [492] Эберхарду. «Критика совершенно не допускает никаких прирожденных или врожденных представлений; все представления, независимо от того, относятся ли они к созерцанию или к понятиям рассудка, она рассматривает как благоприобретенные». Априорное, утверждают критицисты, — име-

ет лишь теоретико-познавательное (трансцендентальное) значение, оно должно лишь делать понятной возможность научной геометрии, вообще объективной, т.е. всеобщей и необходимой связи представлений (науки). По мнению критицистов, Канту важно не то, как *возникают* в нас пространство, время, причинность, но то, что они *дают* или означают для научной практики. Только такое аргюи возбуждает интерес критициста. Поэтому его совершенно не заботит то, врождены или нет указанные представления.²²

Я должен вначале еще раз отметить, что сколько бы ни была малоинтересной с психологической точки зрения постановка вопроса для самого автора, все же она не может уклониться от психологической проверки. Ведь всегда будут спрашивать, как понимание пространственного представления, кажущегося критицисту единственно целесообразным, совместимо с психологическим исследованием.

Теперь мы наверняка не можем приписать Канту, будто он позволяет пространству присутствовать в сознании до восприятий чувств, хотя это само по себе должно бы быть возможным после того, что мы слышали от Канта относительно отделимости качеств от протяжения. Однако Кант четко заявляет, что все наше познание начинается с опыта (что равносильно здесь восприятию).

С другой стороны, мне кажется тоже не соответствующим духу Канта, когда его причисляют к эмпиристам в нынешнем смысле или хотя бы только считают его воззрения совместимыми с эмпиризмом.²³ Приобретение всех представлений, о которых он говорит в вышеприведенном месте, является, как видно из контекста, не тем приобретением, как его предполагает эмпирист в случае пространственного представления, но «изначальным приобретением»: формами, которые даны (врождены) только по своей возможности, и которые становятся действительными в сознании только в связи с чувственными впечатлениями. Но мнение о том, будто пространство постепенно составляется или возникает в сознании [493] из различных чувственных восприятий, и что будто изначально сознанию даны только качества без всякого пространственного расширения и расположения, — это мнение прямо противоречит кантовским представлениям, согласно которым пространство и время суть просто формы всех чувственных явлений.

В отношении пространства и времени, как и в отношении категорий, Кант совершенно недвусмысленно объявляет *совершенно напрасным трудом* попытку «эмпирической дедукции, указывающей, каким образом, понятие приобретает благодаря опыту и размышлению о нем». (Kehrb. S. 104). По Канту, можно отыскать только случайные причины возникновения такого рода понятий, «тогда впечатления, получаемые от чувств, дают первый повод к раскрытию всей познавательной способности в отношении их». (*Кант И. Критика чистого разума*. М.: Мысль, 1994. С. 93. – Прим. пер.)

Однако современное эмпиристско-психологическое учение о пространстве желает отыскать не случайные причины, а элементы пространственного представления во впечатлениях чувств.

²² См.: Cohen a. a O. S. 255 u. ц.

²³ Cohen S. 203. Riehl, *Kriticismus* S. 7, 373 (Anm.).

Какое-либо утверждение о психологическом происхождении форм созерцания и мышления Кант определенно высказал, да и хотел высказать, с помощью аргумента. Имеется в виду не просто утверждение о значении этих форм для познания. Кант хочет сказать и довольно часто говорит, что формы эти, будучи априорными понятиями, не подлежат анализу и не даны посредством чувств в качестве содержаний восприятия.²⁴ Это отрицание анализируемости тоже есть психологическое утверждение. И оно так мало является очевидным, что большинство представителей психологии и физиологии считают его ложным в отношении пространства, тогда как другие (нативисты) считают ложной другую часть учения, а именно, утверждение о том, что пространственное представление не дано посредством чувств. Во всех случаях мы имеем здесь еще одно доказательство того, сколь необходимы более точные психологические определения. Теперь уже просто невозможно избежать почвы психологии, как бы ни был направлен интерес исследователя на высоты критики познания. Пренебрежение психологией, вопреки распространенному мнению, будто оно составляет лишь несущественную, периферийную черту кантовской философии, на самом деле является ее главным недостатком. [494]

IV. Понятие естественной необходимости.

Еще один шаг назад, в сторону разложения основ критицизма, ведет к его главному корню, к понятию и к требованию строгой и предметной [sachlichen] (объективной) необходимости относительно принципа привычки, которому Юм подчинил весь наш опыт, включая опыт науки. Привычки наших представлений и мыслей, — справедливо утверждает Кант, — не являются объективной [sachlichen] необходимостью. Эти привычки, а с ними и опытное научное познание, — продолжает Кант, — можно только тогда спасти от скептицизма, когда сами предметы опыта происходят из рассудка. Рассудок должен быть именно таким, чтобы посредством своей собственной имманентной закономерности он мог создавать закономерность вещей. С этим уже связано понятие синтетическо-априорного суждения, с которого начинается изложение (а не историческое развитие) кантовских идей, а также различные формы и содержания, и все прочее.

Вопрос здесь состоит не просто в происхождении понятия необходимости, но о более общем понятии естественной необходимости, ибо существуют ведь и другие понятия в качестве каузальных законов (законы так называемого сосуществования [Coexistenz]), которые вряд ли можно свести к каузальным законам.

Психологический вопрос есть вопрос о происхождении понятия необходимости. Это понятие, как и понятие истины, вероятности и сходных предикатов, пожалуй, тоже надо будет трактовать как абстракцию из сферы суждений. Если мы захотим кому-либо, так сказать, ad oculos продемонстрировать понятие необходимости, то мы попросим его представить себе закон тождества или положение о том, что целое больше части, или другие,

²⁴ В смысле своей концепции Коген тоже ясно говорит о «психологическом анализе недоступных, что значит, признаваемых априорными, элементах сознания». (74).

подобного рода положения. Необходимыми мы называем в этом случае суждения не как психические процессы, но с учетом того, что в них утверждается: к примеру, именно большую величину целого по отношению к части и т.д.. Речь идет не о том (хотя это тоже не отрицается), что такие *процессы* суждения должны наступать при данных психических условиях, но о том, что такая *материя*, независимо от того, кто, когда и при каких обстоятельствах высказывает о ней суждение, может в силу *ее собственной внутренней природы* расцениваться именно так, а не иначе. Необходимость, стало быть, есть [495] прежде всего свойство определенных содержаний суждения, именно так называемых необходимых истин, и абстрактное понятие необходимости возникает поэтому посредством размышления над этими содержаниями. Это понятие не абстрагировано из внешнего мира или из психических состояний как таковых; не добавляется оно к материи и в качестве «априорной формы». Но оно имманентно определенным содержаниям и не может быть отделено от них никаким другим способом, кроме как посредством понятийной абстракции.²⁵

Некоторые возразят: не необходимые истины лежат в основе понятия необходимости, а наоборот: это понятия должно уже наличествовать, чтобы были произведены необходимые суждения.

Такое возражение было бы недоразумением. Конечно, когда теоретик познания делит суждения на необходимые и не являющиеся таковыми, развивая теорию обоих этих суждений, он должен уже располагать понятием необходимости, как и понятием суждения. Но чтобы произвести какое-то суждение, он в этих понятиях не нуждается. То, что яблоко есть яблоко, — это понимается и без того, чтобы иметь до этого или во время этого понятие необходимости как таковое. На самом деле оно возникает лишь посредством размышления [Reflexion] над такого рода суждениями, уже наличными в сознании.²⁶

²⁵ Мы можем оставить здесь без рассмотрения вопрос о том, являются ли источником понятия только аналитические суждения или еще и синтетические. Далее, мы не будем рассматривать, является ли необходимость положительным или отрицательным понятием (невозможностью противоположности), и если отрицательным, то содержит ли оно тогда все же положительную часть, о которой можно было бы сказать то же, что было сказано выше. Наконец, мы оставим без подробного обсуждения вопрос о том, нужно ли причислять абстракции описанного типа к «психологическому» или «внутреннему» восприятию в обычном смысле, или, скорее, следует различать между собой восприятия состояний как таковых и восприятия содержания [des Inhaltes (Gehaltes)], а именно, оцененного, желанного и т.д. содержания. Посредством различения и признания этого направления восприятия, возможно, исчезнут некоторые недоразумения относительно психологизма. Также исторически некоторые вещи только тогда можно понять лучше. Если рассмотреть примеры «врожденных идей» у Декарта и Лейбница, под которыми ведь, в конце концов, подразумевались именно идеи, данные посредством внутреннего восприятия, тогда можно обнаружить, что у данных философов эти два класса идей перемешаны друг с другом. (Desc. Med. III: res, veritas, cogitatio. Leibniz Erdm. P. 223: etre, substance, un, meme, cause, perception, raisonnement). Кант не без основания считал не выводимыми идеи бытия, тождества и пр. в том же смысле из психологического восприятия, что и идеи представления [Vorstellen], заключения [Schliessen], хотения [Wollen]. Однако Кант безосновательно причислял их по этой причине к априорным формам.

²⁶ Здесь имеет силу аналогичное тому, что действительно в случае понятия существования. См.: Brentano, Psychologie I, 279. Marty, Viertelj. Sch. f. wissensch. Philos. VIII, 171 f. Hillebrand, Die neuen Theorien der kategorischen Schlusse S. 27 f.

Из понятия мыслительной необходимости в упомянутом выше смысле мы формируем теперь понятие естественной необходимости. И здесь начинается собственная задача теории познания. Она показывает, что можно [496] сделать из указанного понятия и что побуждает нас к искусственному образованию и оправдывает его.

В предложении «тело должно падать в пустом пространстве» слово «должно» мы наверняка не должны понимать в том лишь смысле, что «мы привыкли видеть тело падающим в пустом пространстве». Это слово не значит также лишь фактическое отношение, как оно, к примеру, выражается в предложении «Высота Монблана составляет 4810 м». Если мы и этот факт рассматриваем как следствие действующих с естественной закономерностью сил, то выводим этот факт все же не из всеобщих законов самих по себе, а только в связи с более ранними и опять-таки чисто фактическими «расположениями» [Collocationen]. Таким образом, это различие не позволяет себя элиминировать.²⁷

Если теперь у нас нет никакого другого первоначального понятия необходимости, кроме понятия логической необходимости, тогда и здесь это понятие тоже будет каким-то образом играть определенную роль. И так как мы в самих явлениях не воспринимаем такого рода необходимость (и в этом Юм был тоже безусловно прав, как не был он прав в позитивной части своего учения), то находиться это необходимость должна в чем-то таком, что про ту сторону явлений, в «действительных вещах». Говоря о естественных законах, мы исходим из предпосылки, что поведение вещей, для которых эти законы должны иметь силу, логически неизбежны для рассудка, способного постичь эти вещи в их глубинной сущности. Они, к примеру, так же логически неизбежны, как $2 \times 2 = 4$. Физическая необходимость есть логическая необходимость, которую мы *принимает* как допущение [annehmen], но не *воспринимаем* [wahrnehmen]. Тем самым мы не высказываем ничего нового, но нечто такое, в чем вся немецкая философия, начиная с ее родоначальника, Лейбница, единодушна если не в изложении, то в тенденции. Различия относятся, главным образом, к тому, может ли эта лишь допущенная необходимость когда-нибудь перейти в необходимость воспринятую, [497] как это утверждал Лейбниц, а в еще более радикальной форме — позднейший немецкий идеализм. И, конечно, здесь простирается страшная пропасть между идеалистами и реалистами. Однако мы не должны упускать из вида и то общее, что их объединяет в отношении к позитивизму, который стремится истолковать закономерное [das Gesetzliche] как чисто фактическое.

²⁷ Я могу так же мало согласиться с Зигвартом (Logik I (2) 236) и Фолькельтом (Erfahrung und Denken S. 142), без различия объявляющими каждое познавательное суждение необходимым, как и с теми, кто все считают чисто фактическим. То, что мы высказываем определенное суждение о факте, является, конечно, психологически столь же важным, как и то, что мы в другом случае утверждаем о законе. Однако не об этой необходимости утверждения идет речь, необходимости, которую ведь и Зигварт вполне отличает от объективной истины (S. 251), но о необходимости утверждаемого содержания [des Inhalts (Sachverhalts)]. В утверждаемой истине есть еще одно различие, в зависимости от того, заявляется ли она как чисто фактическая или как закон, и никогда факт не позволяет растворять себя в законе, а закон — в факте.

Допущение чего-то существующего по ту сторону явлений мы делаем так же, как и многие другие допущения в отдельности, чтобы подчинить дедукции ход явлений. Это допущение доказывает потом шаг за шагом свою достоверность и не нуждается ни в каком другом доказательстве. Почти все другие предпосылки суть в основе своей только части этого допущения, и каждое подтверждение его достоверности есть лишь часть того необъятного доказательства, которое указанное допущение получает посредством прогрессирующего развития нашего естествознания и основанной на нем жизни. И всеобщая регулярность естественного хода вещей, согласно которой при одинаковых условиях должно всегда наступать одно и то же, включена уже в указанную великую предпосылку (ибо мы допускаем существование не вещей вообще, а закономерно связанных вещей) и не нуждается ни в какой другой, к примеру, априорной опоре.

В самих явлениях эта регулярность не встречается. Если мы повернем нашу голову в сторону, а потом вернемся в исходное положение, то у нас будет то же самое мускульное ощущение, такое же содержание сознания во всех прочих отношениях, и все же зрительное явление может теперь оказаться другим. Все бесчисленные исключения такого рода исчезают только посредством вспомогательного представления о внешнем мире в указанном выше смысле.

Это не правда, что естествознание ведет речь только о явлениях. Нет ни одного естественного закона, который позволял бы выражать себя как закон чистых явлений, если мы берем это слово в строгом (субъективном) смысле. Среди явлений нет каузальности.²⁸

Сам Кант, пожалуй, никогда не думал (как он однажды сам заявил) о том, чтобы ограничить наше знание одними только явлениями в [498] собственном смысле.²⁹ Кант не просто определяет постоянно ощущение как действие внешних предметов, но он позволяет эмпирическим телам и тогда существовать в пространстве, когда они в данный момент не появляются. Даже существование такого внешнего мира значит для него абсолютно определенную (ибо уже включенную в понятие внутреннего восприятия) истину.³⁰ Кант, стало быть, идет в этом еще дальше, чем это позволяет себя оправдать, если речь идет о научном, а не о наивном сознании.

Кант-то говорил, как это и сегодня делают многие, кто ограничивают наше знание явлениями, о явлениях в двойном смысле, не различая четко эти смыслы. Он называл также явлением то, что продолжает существовать от розы в то время, когда я не вижу ее, даже когда не думаю о ней. Точнее говоря, продолжа-

²⁸ Точно такого же мнения придерживается Липпс в его рецензии на «Критицизм» Рилиа: *Citizing. gel. Anzeigen* 1888 No. 24 S. 911 f.

²⁹ См. *Zeller's Geschichte der deutschen Philosophie* 2. Aufl. S. 351 f. В. Erdmann, *Kant's Prolegomena* S. XLV – LXVI. Derselbe, *Kant's Criticismus etc.* S. 45.

³⁰ К этому, т.е. к способу онтологического доказательства внешнего мира, сводится известное «Опровержение идеализма» во 2-ом издании «Критики чистого разума», однако и в 1-ом издании Кант достаточно часто высказывался в этом же духе. См. об этом статью Фейхингера «Zu Kant's Widerlegung des Idealismus» в: «*Strassburger Abhandlungen zur Philosophie*», 1884; см. также изложение Р. Фалькенберга в его истории новой философии S. 268 f. Правда, здесь, как и почти везде, можно привести мнения и противоположного свойства. (К примеру: *Kehrb.* S. 312 aus der 1. Aufl.).

ет существовать что-то вроде условий, вследствие которых, если я снова посмотрю на розу, возникает то же самое зрительное ощущение. Только в этом смысле Кант мог говорить о законах явлений и об их каузальной связи.³¹

По Канту, однако, время и пространство, в которых теперь должны осуществляться и эти объективные явления, могут быть только относящимися к сознанию формами созерцания. И вообще, явления, которые никому не являются, были бы странным понятием. Поэтому современные толкователи кантовского учения переносят [499] указанные явления в надындивидуальное сознание, в родовый человеческий разум. В этом разуме, согласно новейшим толкованиям Канта, и продолжает пребывать роза, созерцаемая во времени и пространстве, даже если ее не видит ни один человеческий глаз. Этот разум есть то, что якобы содержит последнее основание для возможности закономерной связи индивидуальных явлений.³²

Это, пожалуй, еще вопрос, согласился бы Кант с этим, напоминая Фихте, истолкованием того, что он, впрочем, не раз называл «сознанием вообще».³³ Но насколько все же можно сделать вывод из сказанного, у Канта нет недостатка в сходствах с понятием объективной необходимости (как мы пытались его сформулировать), а также с включенными туда понятиями объективных вещей и возможного сознания, для которого не воспринимаемая в явлениях, но выводимая из них связь *стала бы* истинной логической необходимостью. Последнее вспомогательное понятие мы, в любом случае, тоже не будем обозначать родовым разумом или надындивидуальным сознанием, но удовлетворимся, пока речь идет лишь о чертах, содержащихся в понятии естественного закона, вышеприведенной непритязательной формулировкой.

И с тем, что рассудок вносит необходимость в вещи, мы можем согласиться в той мере, что мы гипотетически вносим понятие, полученное посредством внутреннего восприятия, в столь же гипотетические вещи, чтобы потом, если так можно выразиться, вынуть из них это понятие уже подтвержденным.

Но пункт, в котором следует полностью и безоговорочно согласиться с кантом, — это удержание строгого понятия необходимости. Элиминация этого понятия Юмом вызвала Канта на борьбу и была отправной точкой его критических исследований. И если мы подумаем о том, что еще в наши дни такой во всех отношениях почтенный мыслитель, как Дж. Ст. Милль, думал, что можно даже принцип противоречия основать на постепенном накоплении наблюде-

³¹ В недавно опубликованном Краузе *Opus posthumum* «О переходе от метафизических начал естествознания к физике» Кант часто различает прямые и не прямые явления, а также явления первого и второго ранга, причем последние явления он рассматривает как проявления явлений первого ранга. Но тем самым Кант желает лишь противопоставить отдельные чувственные данные тем комплексам явлений (эмпирическим предметам), которые возникают посредством применения категорий, или противопоставить также чувственные явления явлениям внутреннего чувства, «так как субъект для него самого является предметом эмпирического познания». S. No. 150 (где после слова «прямо» [direct] следует поставить точку, а последующее слово «явления» взять в скобки, иначе это место в тексте будет непонятным), 160, 194, 201, 203, 209 (b).

³² *Windelband, Gesch. D. neueren Philos.* II, 75 f. Falckenberg a. a. O. 269. Фейхтингер лишь заявляет, что к этой идее приходят с необходимостью.

³³ См. об этом «сознании вообще» в живых рассуждениях Лааса в: Laas. «Kant's Analogien der Erfahrung». S. 94 f.

ний, то мы вряд ли сможем в полной мере оценить великую заслугу Канта, [500] пытавшегося всеми силами своего духа спасти идею истинной необходимости, за которую держалась вся немецкая философия. Причем речь идет о необходимости не просто в мыслительных, но также в естественных законах. В этом состоит здесь действительная историческая заслуга Канта в сфере теории. Коррелятом этой заслуги в практической области является удержание строгого «Ты должен!» по отношению к гетерономной псевдоморали, распространение которой мы сегодня опять наблюдаем.

Напротив, кантовскую тенденцию к отказу от психологических исследований как исходного пункта и основания теории познания, мы должны и после рассуждений из этого раздела опять-таки рассматривать только как несчастье; и полнейшая неудача «идеалистической» философии, которая именно в этой тенденции последовала за Кантом, явилась тому историческим испытанием.

V. Разделение и объединение исследований.

«Смешение границ различных наук ведет не к расширению, а к искажению этих наук». (*Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 14. — Прим. пер.) Это знаменитое высказывание Канта лежит в основе стойкого сопротивления критицистов в отношении привлечения психологических исследований как методического правила.

Научная методика велит нам как можно дальше изолировать *вопросы*. Divide et impera! Чтобы переломить связку палок, ее надо развязать. Но иначе обстоит дело с разделением *наук*. Положим, Кант думал (или мог бы подумать — вопрос интерпретации его текста мы оставляем здесь в стороне), что сокровище знаний, добываемое какой-либо наукой, должно оставаться неподотворным для других наук, или что он лишь полагал, будто нет никаких пограничных вопросов, для разработки которых должны протянуть друг другу руки сразу несколько наук. Но тогда мы должны со всей решительностью возразить Канту, поскольку в наше время, когда психологи и физиологи, логики и математики, педагоги и медики, политэкономы и политики, языковеды и естествоиспытатели, а также многие другие до этого раздельно маршировавшие корпуса знания смыкаются теперь для единого удара. Наука есть, конечно, лишь комплекс вопросов, и мы не станем дробить вопросы в малом, [501] чтобы потом сваливать их вместе в большом. Любой науке остается собственное ядро задач, которое не сливается с другими, а напротив, раскалывается и рождает новые специальные науки. Но то, что важно для формулировки вопросов, не является столь же ценным для их обсуждения и решения. Для плодотворного рассмотрения должно быть привлечено все, что только можно использовать без нарушения общих логических предписаний, в особенности, без порочного круга в доказательствах.

Относительно этих позиций, по моему мнению, могут иметь место, в крайнем случае, недоразумения, но не серьезные споры.

Если нам нужно теперь взаимно противопоставить собственные задачи психологии и теории познания, тогда мы должны лишь расширить некоторые, уже включенные в наш анализ рассуждения.

Исследование происхождения наших *понятий*, как понятий абсолютного, так и относительного содержания, есть старая задача психологии. Положим, это верно, что понятие не мыслимо само по себе, но может быть постигнуто только внутри конкретного представления, как встроенное в него, или каким-то, возможно, более характерным образом, выступая как бы стереоскопически, т.е. постигнуто на пути обычного абстрагирования. Если это так, тогда указанная задача совпадает с определением соответствующего конкретного представления и с точнейшей характеристикой моментов или способов изменения этого представления, которые делают возможным абстрагирование соответствующего понятия. Мы уже упомянули, что здесь еще многое предстоит объяснить.

Поиски самых общих и непосредственно очевидных *истин*, напротив, есть дело теории познания. Понятие — это не суждение, не познание. Если бы понятие было каким угодно способом врождено нам, тогда отсюда еще бы ничего не следовало относительно суждений, в которых это понятие может найти свое применение. Предположим, что все присутствующие в данном суждении понятия были бы психологически свойственны нам а priori даже в том смысле, что они были бы очевидны сознанию до всех восприятий. Тогда все-таки могло бы так случиться, что прежде всего восприятия, опыт дали бы нам повод и основание для определенных сочетаний этих понятий. И наоборот, из восприятия может быть заимствовано понятие, как, например, понятие красного, [502] цвета вообще, понятие квадрата и фигуры, в то время как суждение вроде «красное есть красное» или «краснота — это не фигура», без сомнения, является априорным. Ибо нам не нужно особое восприятие или даже нагромождение восприятий, чтобы удостовериться в истине подобного положения; нам нужны восприятия только для получения понятий, из которых потом непосредственно вытекает предложение.

Это относится также к пространству и времени. Вопрос о природе геометрических аксиом (независимо от того, являются ли они аналитическими, синтетическими а priori или всего лишь эмпирическими положениями) отнюдь не тождественен с вопросом о психологическом возникновении пространственного представления (дано ли оно уже изначально в зрительном восприятии, или есть продукт индивидуального психологического развития). Однако оба эти вопроса были здесь, как и в других местах долгое время смешаны друг с другом, причем в ущерб как психологии, так и теории познания. Науки были разведены, а вопросы смешаны, тогда как следовало бы поступать прямо наоборот.

Установление и характеристика самых общих, непосредственно очевидных знаний, как, например, знания о происхождении понятий, — это еще далеко не достаточно решенная задача. В перечень так называемых синтетических основоположений Кант включил многое из того, что очень хорошо может считаться эмпирическим положением, хотя и упроченным обширнейшими гарантиями надежности (к примеру, закон причинности и взаимодействия). В этот перечень Кант включил нечто такое, что нуждается прежде всего в интерпретации (к примеру, положение о субстанциальности, в котором главным является формулировка понятия субстанции). Наконец, в этом перечне есть и такие тезисы, истинность которых может быть серьезно поставлена под сомнение. К примеру, Геринг усомнился в том, что в отношении

цвета истинно положение о том, будто восприятия имеют определенную степень. Геринг, в любом случае, по праву возражал против того, когда кто-то хотел закрыть этот вопрос простой ссылкой на априорное «так должно быть». Общая кантовская аксиома созерцания: «Все созерцания суть экстенсивные величины», насколько я вижу, ни малейшим образом не повлияло на решение великих вопросов о природе геометрических основоположений. Но и независимо от отдельных предложений, все самостоятельно мыслящие новейшие теоретики познания считают необходимым подвергнуть ревизии кантовское понятие синтетических основоположений, в какой мере современные теоретики еще пользуются этим понятием. [503]

Давайте все же предположим, что вышеуказанная задача решена. Что наиболее общие и непосредственно очевидные знания полностью перечислены, точно сформулированы и классифицированы, а также отделены от мнимых основоположений. Тогда, как мне кажется, теории познания вообще ничего не оставалось бы делать в отношении оснований познания. Я не могу увидеть никакого теоретико-познавательного смысла в вопросе об «условиях возможности» таких непосредственных истин. Любое дальнейшее исследование могло бы распространяться только на *психологические* условия, среди которых суждения такого рода встречаются в сознании. Соответствующие представления должны существовать, как должна быть способность к абстрагированию общих понятий, а внимание должно иметь требуемую интенсивность и направление и т.д. Однако никакое, даже самое тщательное, описание всех частей психологического механизма не сделает нам очевидное еще более очевидным, а непосредственные знания — еще более непосредственными. И никакое описание не даст нам даже ознакомиться с тем, как и почему эти, причем именно эти и никакие другие знания возможны как основания нашего мышления. Или даются посылки для логического обоснования содержания суждения (и тогда те знания в действительности не были непосредственными), или даются психологические условия процесса суждения, и тогда покидают сферу теории познания и переходят в собственном смысле в *αλλο γενος* исследований. Третьего не дано.

Если таким образом, по природе дела, теории познания заказано копать глубже, то вширь и ввысь для нее открывается немало проблем. Возникает вопрос о том, каким образом элементы наших представлений, выявленные посредством психологического анализа, могут применяться к мыслящим конструкциям мира, в особенности, «внешнего мира». Наиболее общие средства и пути познания должны быть выяснены теорией познания не в меньшей мере, чем его наиболее общие исходные точки.

Внешний мир есть, научно выражаясь, гипотеза, чтобы рассчитывать ход явлений. Для построения этой гипотезы у нас нет никаких других представлений и понятий, кроме тех, что мы позаимствовали у самих явлений, включая, однако, и явления внутреннего [504] восприятия. Одна часть этого оказывается пригодной, а другая — нет. Если обнаружится, что этого для нас недостаточно, тогда именно в этой мере мир останется лишенным для нас любого расчета и всякого подчинения законам. Среди абсолютных содержания, в самих явлениях находятся в нашем распоряжении, непригодными для такой конструкции были найдены так называемые качества ощущения, тогда как представления о пространстве и времени (т.е. локальный и темпораль-

ный момент явлений), напротив, оказались весьма пригодными. Указанные представления обязаны этой своей предпочтительностью тому обстоятельству, что благодаря им можно в гораздо большем объеме производить расчеты (а качества, как было упомянуто, также доступны расчету). Важно здесь и то, что результаты вычисления, которые появляются на основе допущения объективных пространственно-временных процессов, опять подтверждаются потом в новых явлениях. С самого начала, однако, мы больше не претендуем на объективную законность как на качества восприятия.³⁴

Строго говоря, время и пространство *не* пригодны в *той* форме, как они нам даны. Они стали таковыми только в результате многочисленных трансформаций и абстракций. Время и пространство, как мы их себе представляем, имеют центр: мы не можем представить время вне положения вперед или назад от данного мгновения, с которым все соотносится. Аналогичное имеет силу и для представления мест. При физикалистском понятии пространства и времени этот центр не следует принимать во внимание. У пространства представления есть, далее, или только два измерения, или в нем присутствует, по крайней мере, в рудиментарной, зачаточной форме еще одно, третье измерение. Мы не в состоянии представить себе толщину тела тем же самым способом, что и его ширину или длину; мы не можем видеть тело насквозь, даже не можем представить его во всех мелочах в нашей фантазии (только Геринг считает это возможным). Пространство геометра и физика вообще не обладает [505] во всех точках и направлениях одинаковыми свойствами, а пространство ощущения — нет. Вверху и внизу, справа и слева суть для ощущения в известной мере качественные различия. Квадрат, находившийся вначале в вертикальном положении, а потом перевернутый на 45 градусов и стоящий теперь на одном из своих углов, воспринимается совершенно иначе и вновь опознается в качестве квадрата только посредством умозаключений.³⁵ Совершенно неверно считается, что пространство (наряду со временем), как мы его представляем, повсюду конгруэнтно себе самому и что можно любой его кусок таким же образом мысленно перенести в другую его часть.³⁶ Как раз

³⁴ Противоположное мнение исторически восходит к Декарту, который назвал пространство и время — из-за основанных на них математики и математической физики — «совершенно ясными и отчетливыми» представлениями. Поэтому Декарт считал эти представления объективными, тогда как качества — лишь субъективными представлениями. Приведенные им аргументы в пользу этой «темноты» (к примеру, что мы не всегда можем точно локализовать боль) были, разумеется, достаточно слабы. Ведь сами по себе цветовые, звуковые или болевые ощущения, конечно, не менее ясны, чем, например, представление о треугольнике.

³⁴ Mach, Beiträge zur Analyse der Empfindungen S. 44 f. Рассуждения Маха о различии между оптическими и геометрическими сходствами, о впечатлении симметрии и т.п. весьма интересны и поучительны, хотя я не стал бы безусловно соглашаться с приведенными Махом объяснениями. Он указывает также (S. 76) на то, что влияние пространства ощущения время от времени заявляет о своих правах в геометрии, даже вопреки ее интенциям. К примеру, когда различаются два вида кривизны: вогнутая и выпуклая, и когда геометр, собственно. Должен был бы знать только отклонение от средства ординат. Невзаимозаменяемости правого и левого, как известно, придавал значение уже Кант. Отсюда, действительно, вытекает субъективность пространства восприятия. Однако отсюда не следует, что это пространство, как априорную форму, можно отделить от материи ощущения.

³⁵ Как это, к примеру, утверждает Вундт (Wundt, System d. Philos. S. 119) наряду со многими другими авторами.

субъективное место мы можем столь же мало мыслить трансплантированным, как не можем мы мысленно перевести низкий звук в высокую октаву.

Есть ряд особенностей ощущаемого пространства, от которых надо отвлекаться в гипотезе объективного пространства, хотя мы не можем удалить эти особенности из наглядного представления.

С самого начала нельзя абсолютно ничего возразить против допущения четвертого измерения пространства. Вопрос состоит единственно только в том, нужно ли нам это измерение. Легко ведь видеть, что за полным исключением абсолютного содержания, наглядного в нашем пространственном представлении, в качестве объективно значимых могут предполагаться только совершенно абстрактные отношения, выраженные в формулах аналитической геометрии. Пространство физика, как следует из вышесказанного, и без того давно уже можно мыслить только посредством существенного абстрагирования от пространства ощущения. С этой точки зрения можно без всякого стеснения использовать в указанных формулах вместо трех четыре или еще больше переменных. Тем самым я не хочу сказать, что мы как бы имеем лишь [506] тень веского довода в пользу четвертого измерения, а не, скорее, самые сильные аргументы в пользу трех измерений. Однако с теоретико-познавательной точки зрения полезно представить себе эту возможность как таковую, потому что она яснее всего показывает, в какой мере мы можем преобразовать данные нам представления или придать им более абстрактный вид, если есть на то потребность.

То же самое, что относится к абсолютным содержаниям, теперь, однако, имеет силу и для относительных [relativen] понятий, т.е. понятий отношения [Verhältnisbegriffen]. Если мы должны признать, что объективную действительность [Gültigkeit] абсолютных содержаний можно обосновать только эмпирически, тогда нет никакого повода, чтобы выводить действительность относительных содержаний из совершенно другого источника. И для них нам не нужно иметь никакого другого оправдания, кроме успеха. Любое применение есть прежде всего вопрос попытки. И то огромное доверие, которое уже совсем никак нельзя недооценивать, и которое мы питаем относительно понятий причинности и других понятий в смысле их объективной действительности, уже достаточно обосновано посредством их незаменимости на каждом шагу нашего познавательного пути. То, что и здесь необходимы преобразования (соответственно, абстракции) более высокого порядка, производимые над непосредственно данными представлениями, — это мы видели на примере понятия необходимости. Об этом же говорит нам и понятие причинности. Я предполагаю, что и некоторым кантиански настроенным [kantianisierenden] естествоиспытателям это кажется существенным моментом кантовского учения: как можно точное и полное наименование наиболее общих и простых понятий отношения и относящихся к этому положений, без которых естественное объяснение было бы фактически невозможным. Но тем самым, однако, это отнюдь не означает претензию на их действительность до всякого приращения, независимо от испытания их на пригодность и выполнимость.³⁷

³⁷ Гельмгольц говорит относительно закона причинности, который он называет a priori данным, трансцендентальным законом: «Здесь реален только один совет: доверяй и действуй!»

У психологии совсем другая задача относительно [507] нашего убеждения во внешнем мире и наших представлений о его устройстве. Она должна не обосновать соответствующие научные допущения, но объяснить общую непосредственную веру во внешний мир, независимо от того, является ли эта вера истинной или ложной. Речь идет о вере во внешний мир, как он является: в цвете, звуке и шорохе, запахе и вкусе, за исключением разве что корректур, вносимых уже обычным сознанием, умудренным многочисленными обманами чувств. Если, как в только что указанном отношении, начала научного познания здесь тоже играют некоторую роль, то психология, рассматривает их только как содействующие силы среди прочих сил.

Вполне можно заметить, что *тот* внешний мир, о котором здесь говорится, не только в некоторых своих свойствах, но в целом своем понятии не перекрывается с внешним миром, о котором идет речь у метафизика и философа естествоиспытателя. Для обычного сознания граница между «Я» и внешним миром есть просто граница между собственным и чужим телом. Метафизик, напротив, со времен Декарта понимает под «Я» нечто данное с непосредственной научной очевидностью, и это теоретико-познавательное «Я» есть сознание вместе с содержащимися в нем феноменами, тогда как так называемое собственное тело с этой точки зрения также относится к внешнему миру, как и так называемые чужие тела. Психология должна лишь показать (и эта задача ей по плечу), что означает для обычного сознания «действительность» [Wirklichkeit] ощущений, и как дело доходит до того, что в действительном проводят границу между «собственным» и «чужим», границу, которой первоначально там наверняка не было.³⁸ [508]

Таким образом, стало быть, кажутся расходящимися для обеих наук вполне различные комплексы задач. Но тем быстрее должны мы вернуться к мыс-

(Die Tatsachen in der Wahrnehmung S. 41 f.). Обратный порядок слов в этом призыве кажется мне более удачным: «Действуй и доверяй!» Или одним словом: «Пробуй!»

К такому же выводу пришел и Е. Лаас в своей полемической статье в «Страсбургских трактатах по философии» (1884), когда он пытался придать четкий смысл так называемому «критическому методу» и понятию «условий возможного опыта».

³⁸ В своей недавно опубликованной работе «К решению вопроса о происхождении нашей веры в реальность внешнего мира и о его праве» (Beiträgen zur Lösung der Frage vom Ursprung unseres Glaubens an die Realität der Aussenwelt und seinem Recht. Sitzungsberichte der Berliner Akademie, Phil.-hist. Cl. 1890) Дильтей подчеркивает — в противоположность к «интеллектуалистической» интерпретации этой веры — выдающееся значение волевых процессов и «опытов воли» [Willenserfahrungen]. Посредством этого Дильтей пытается также выйти за пределы допущения, будто реальность внешнего мира имеет лишь гипотетическую ценность. Дильтей усматривает в *том* различие между философским обоснованием и психологическим возникновением веры, что первое излагает аналитически то, что дано в живом опыте, а потом, посредством найденных в этом опыте составных частей, расширяет его горизонт. Я бы хотел, однако, найти различие не просто в методе, но прежде всего в самом предмете. Внешний мир в теоретико-познавательном, вообще научном смысле кажется мне, в самом деле, не более чем гипотезой, которая ведь как таковая может (имеет право) обосновываться только посредством интеллектуальных, а именно, научных операций. Напротив, для объяснения психологического внешнего мира — если я могу использовать это выражение — должен привлекаться весь аппарат душевных сил и среди этих последних, конечно, в особой степени — волевая деятельность, в какой мере различие между своим и чужим телом по большей части основывается на этом. Здесь становятся, действительно, поучительными и патологические состояния, которые обильно использует Дильтей в своих объяснениях.

ли о том, что успешное решение этих задач немислимо без взаимной и многократной поддержки. Теоретик познания не может пройти мимо вопроса о возникновении понятий, он должен как специалист проникать в глубины и трудности этой проблемы. И психолог, со своей стороны, должен быть теоретиком познания, не просто потому что познавательные суждения образуют особый класс феноменов суждения, который, как и другие психические феномены, желает быть описанным. Нет, прежде всего потому, что психолог, как и всякий, для которого наука есть нечто большее, чем ремесло, должен иметь ясность относительно основ всего знания. Однако здесь возникают (как, например, это видно в случае понятия «внутреннего восприятия»), и действительно пограничные вопросы, которые можно в равной мере отнести как к одной, так и к другой из обеих наук, причем без вреда для прочих различий их задач. Нет смысла спорить о том, кому в большей мере принадлежит такая область; главное, что обе они берутся за решение ее задач.

Так пусть же психологизм, как и критицизм, исчезнут с повестки дня науки и вместо абстрактного и неплодотворного доктринерства [Standpunktspolitik], особенно свойственного критицизму, возникнет научное сотрудничество в решении отдельных проблем, отвечающее их природе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Исторические заметки о различии материи и формы представления.

Теоретико-познавательное противопоставление пространства и времени, с одной стороны, и чувственных качеств, с другой, явно совпадает со всем ходом развития физики. Попытка философского обоснования этого противопоставления была предпринята Декартом при помощи указания на очевидность математики. Зачатки для «форм мысли» возникли потом в декартовском и лейбницевском учении о виртуально врожденных идеях. Мне кажется бесспорным, что в этом отношении лейбницевское «Nouveaux Essais» (опубликовано в 1765) оказало решающее влияние на Канта. Однако старое различие материи и формы еще не было обращено Лейбницем на эти вопросы. Лейбниц понимает эти выражения в онтологическом смысле, только с новым толкованием, которое он дает этим терминам, перешедшим к нему по наследству от Аристотеля и схоластов. Сам Аристотель, конечно, использовал эти основные свои понятия и в теории познания, определяя смысл и рассудок как способности «воспринимать формы». Однако никто не станет усматривать в этом образец для кантовского учения, которое, скорее, образует этому самую резкую противоположность. Иным способом оценивается при случае различие формальных и материальных принципов вольфианцами в их учении о познании. См., к примеру, такого рода оценку у Крусиуса,³⁹ а также (со ссылкой на последнего) у самого «докритического» Канта.⁴⁰ Возможно, мы не ошибаемся,

³⁹ Weg zur Gewissheit (1747) § 421.

⁴⁰ Der einzig mögliche Beweisgrund etc. (1763) I. Abth. Zweite Betrachtung No. 1. Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze etc. (1764) Dritte Betrachtung § 3.

когда усматриваем в этом первые зачатки или предвестия позднейшего различия. Но и там следует предостерегать себя от того, чтобы не искать за одинаковыми выражениями непременно одинаковый смысл.

В подразумеваемом здесь смысле противоположность материи и формы представления содержится, как известно, у Канта прежде всего в его диссертации 1770 года, а именно, в связи с рассуждениями о пространстве и времени. Но потом в «Критике чистого разума» понятие формы применяется и по отношению к категориям. Но побуждения к тому, чтобы постичь пространство и время как чувственного созерцания, имелись уже отчасти в лейбницевской дефиниции пространства и времени, как простых феноменальных порядков, отчасти же в тех трудностях, с которыми [510] сам Кант еще раньше столкнулся в определении этих представлений, и которые неоднократно приводили его к перестройке его воззрений.⁴¹

Но можно указать и ясные внешние стимулы для различения формы и материи представлений. Приоритет Ламберта в этом вопросе неоднократно уже упоминался в новейшей литературе, хотя в лучшем ламбертовском сочинении, в «Новом органоне» (1764),⁴² по этому прямо ничего не говорится. Только подчеркивание априорного познания в отличие от чисто апостериорного (а исключительно такого рода познание находит Ламберт в локковской «Анатомии наших понятий»), содержит здесь предварительные намеки на Канта. Но одновременно перечисление этих априорных знаний (еще более отчетливо это видно в более поздней «Архитектонике») еще напоминает шотландского мыслителя. Однако всякое различие априорных и апостериорных суждений не тождественно с различием формы и материи представления, как бы тесно ни были связаны эти различия в процессе рассуждений «Критики чистого разума». Прямо и ясно последнее различие впервые выражено в письме Ламберта Канту от 3 февраля 1766 года, где Ламберт ставит и обсуждает вопрос о том, ведет ли (и если ведет, то как) познание формы к познанию материи нашего знания. Ламберт указывает на то, что все наши знания о формальном, как они имеют место в логике и метафизике, бесспорно правильны, и что споры возникают лишь там, где в основу наших знаний хотят положить материю. Форма, говорит он, не определяет никакую материю, однако она определяет ее расположение, и в этой мере из теории должно вытекать, что служит началом наших знаний, а что — нет.

Здесь перед нами уже совершенно очевидные причины, я бы даже сказал, основные черты, кантовского учения о формах, как оно потом было развито вначале в диссертации Канта. Здесь мы имеем и отношение этого учения к синтетическим суждениям а priori, как они изображены в «Критике чистого разума».

В своей «Идее архитектоники» [«Anlage zur Architektonik»], которая была опубликована в 1771 году, т.е. сразу после кантовской диссертации, Ламберт ут-

⁴¹ Отношение своего учения о форме и материи к лейбницевской концепции Кант обсуждает в разделе «Об амфиболии рефлективных понятий» в «Критике чистого разума». Однако исторический аспект вопроса в этом разделе не освящается.

⁴² На это сочинение в указанной как раз связи ссылается Виндельбанд в своей «Истории новой философии». См.: Windelband. Geschichte d. neueren Philos. I, 546, II, 29.

верждает (Предисловие V, XVI), что его уже давно занимали трудности в понятии формы и всего, что к ней относится, хотя он так и не смог объяснить форму желаемым им образом. Правда, соответствующие размышления Ламберта (II, 233 f.) простираются, в сущности, только на описание языкового употребления в тех разных случаях, где речь идет о форме и материи. Однако интересно наблюдать, как он при этом исходит из аристотелевского учения, из старого онтологического значения этих выражений, и как он потом и в учении о разуме отличает формы познания (подтверждение и отрицание, всеобщее и [511] особенное, Если, Или – Или, Как – Так и .., и т.д.) от материи (понятия субъекта и понятия предиката). В примерах, которые Ламберт причисляет здесь к формам, с очевидностью присутствуют и кантовские категории (качество, количество, отношение). К этому он еще добавляет, что ему всегда крайне важной казалась теория формальных причин человеческого познания.

Еще один внешний стимул пришел со стороны Тетенса. Ведь именно его «Философские опыты о человеческой природе», по известному свидетельству Гамана, «постоянно лежали открытыми на рабочем столе Канта». Ощущения, – говорит Тетенс, – дают материал для всех идей, а форма идей зависит от мыслительной способности. Часто он говорит также о формах как «продуктах мыслительной способности» (см. ниже). Тетенс пытается посредством этого учения одновременно истолковать и лейбницевское положение из «Nouveaux Essais»: «Nil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu nisi intellectus ipse». (I, 336 f.). Далее, Тетенс различает в учении о необходимых суждениях формально и материально необходимые суждения (I, 512 см. ниже), очень близко подходя в этом пункте к Канту.

Отмеченные выше внешние стимулы кантовского учения отнюдь не могут понизить его оригинальности. Философское величие Канта и без того не становится меньшим, ибо беспорочное заблуждение не является его единственной собственностью.

2. Учение об отношении и учение о необходимости.

«Для эмпирической философии, – писал Эрдман в своей подробной истории новой философии в 1842 году, – Тетенс хотел бы сделать больше, чем любой исследователь до или после него». Бенеке, один из немногих, кто во время идеалистического периода продолжали тетеновскую линию (который, впрочем, одновременно сохранял свою склонность к психологизму), высказал даже суждение о том, будто в сфере психологии исследование было более продвинутым до Канта, чем после него.⁴³ И все же как историческое, так и предметное значение тетеновского учения вплоть до последнего времени в частности лишь мало оценивалось по достоинству. Даже в современной, столь многочисленной специальной литературе по психологии «немецкий Локк»⁴⁴ приводится только как автор ставшего благодаря Канту всеобщим деления на рассудок, чувство и волю, хотя как раз это деление происходит не от

⁴³ Psychologische Skizzen 1825 S. 611. См. также о Тетенсе: S. 601–2.

⁴⁴ Этим прозвищем его почтили после Розенкранца. Geschichte der Kant'schen Philosophie, Kant's Werke XII, 65.

Тетенса, а от Мендельсона.⁴⁵ С критической точки зрения А. Риль посвятил Тетенсу в [512] своем «Критицизме» (I, 187 f.) обстоятельные рассуждения. В 1878 году Гармс проанализировал в сочинениях Берлинской Академии всю жизнь Тетенса, не задерживаясь особо на отдельных пунктах. Инициированная мной диссертация Шлегтендаля, посвященная тетенсовской теории познания (Halle 1885), разбирает его сложное учение о восприятии и познании объективного существования. Другая диссертация, написанная Циглером (Leipzig 1888), ставит своей целью, главным образом, опять-таки оценку с критицистской позиции. Мы хотим в дальнейшем изложении кратко резюмировать суть того, что Тетенс заявляет относительно двух упомянутых в нашем сочинении пунктов. Теория отношения находится в более подробном (на несколько страниц) изложении у Шлегтендаля, а учение о необходимости, насколько мне известно, еще нигде не было изображено в полной мере.

а. Отношения, заявляет Тетенс, в узком смысле нельзя почувствовать (воспринять), а можно только помыслить, познать, заметить, апперцепировать. В широком смысле слова можно обозначить это также как чувствование [ein Einfühlen]. То же самое относится к переходу, изменению, которые мы обнаруживаем в себе, когда, например, судим о сходстве или несходстве. Это чувство перехода предшествует суждению. Так же, помимо прочего, обстоит дело в случае причинности.

В наших представлениях различия и отношения, пожалуй, в известной мере уже наличествуют до восприятия этих различий и отношений; однако четко выделяются они только посредством восприятия, тогда только они становятся «полностью удобочитаемыми». Поэтому в строгом смысле нет никаких бессознательных представлений, никаких представлений, в которых уже мыслились бы те же самые различия и отношения, которые мы познаем в сознании.

Восприятие [das Wahrnehmen], посредством которого впервые (актуально) возникают мысли об отношении, есть вид суждения. Однако оно не есть суждение [ein Urteilen] в узком смысле, которое, скорее, уже предполагает идеи, т.е. осознанные, различные представления.

Отношения однообразия, различия и т.п. суть *Ens rationis*, они лишь субъективно присутствуют в рассудке. Мысль об отношении есть «махинация той способности, при помощи которой актуально переживаемые в нас представления о вещах [Dingen] мы сравниваем как предметы [Sachen], а потом, так сказать, налагаем на них отпечаток нашей сравнивающей деятельности». (I, 276 см. 288 «Gedanken von Verhältnissen, welche die Denkkraft zu den Vorstellungen hinzusetzt [Мысли об отношениях, которые мыслительная способность добавляет к представлениям]»).

Относительно пространственно-временных отношений (I, 277, 359) нужно от самих отношений отличать абсолютное, которое лежит в их основе,

⁴⁵ Так, Вундт в своем обзоре немецкой философской литературы сообщает английской публике в «Mind» (II, p. 515), будто Й.Б. Мейер открыл в своей «Психологии Канта», что указанное трехчленное деление Кант якобы позаимствовал у Тетенса. В ч. III р. 156 он даже договаривается до того, что будто Эрдман уже сделал это открытие в своем «Очерке истории философии» [Grundriss. d. Gesch. d. Phil.]. Но открытие Эрдмана (которое содержится в его на 20 лет раньше опубликованном солидном труде), является *ложным*, и как раз *это* убедительно показал Й.Б. Мейер, одновременно сославшись на Мендельсона.

Fundamentum relationis, и это абсолютное может также быть чем-то объективным. Но сами отношения (Beziehungen) суть здесь лишь идеи мыслительной способности. Об этом Тетенс не пускается в подробные рассуждения, но замечает, что «все спекуляции об упомянутых общих понятиях рассудка покоятся в конечном счете на психологических исследованиях их способа возникновения, а также на их субъективной природе в рассудке». (Правда, с этим, как и почти со всеми рассуждениями Тетенса, нельзя согласиться безусловно). Позднее он рассматривает мимоходом выдвинутое в кантовской диссертации учение о пространстве и времени. [513] И здесь он, кажется, понимает указанное «абсолютное» как сумму чувственных качеств, которые объединяются в соответствующем пространственном представлении.⁴⁶

Возникновение понятия причинности Тетенс обсуждает в другом месте (I, 312 f.) и находит его в восприятии нашего собственного стремления, но в особенности, прерываний нашего стремления посредством сопротивления. Но при допущении объективных причин мы также предполагаем, что действие коренится в причине. Это может означать не что иное, как рассудок, который может ясно и полностью представить себе причину, породить в себе представление о действии или, по крайней мере, должен связать это представление с представлением о причине. «У нас нет никакой иной идеи объективной причины, кроме этой внутренней причинной связи в рассудке». (Дальнейшие исследования, посвященные необходимости в каузальных суждениях: 494 f. см. внизу).

Наконец, Тетенс уже попытался классифицировать всеобщие, простые отношения (I, 330 f.), присоединяясь к классификации Лейбница, которую он исправляет и расширяет. При этом он замечает, «что эти поиски всех мыслимых нами отношений и связей вещей показывают с новой точки зрения объем и границы человеческого рассудка. Можем ли мы сказать, что не существует еще множества мыслимых общих объективных отношений других умов, о чем у нас так же мало понятия, как и о шестом чувстве или о четвертом измерении?»

Этот краткий обзор призван отметить лишь характер и тенденцию тетенсовских исследований, посвященных вопросу о понятиях отношения. Здесь в лице Тетенса заметен проницательный и дальновидный исследователь. Правда, иногда он хочет копнуть глубже, чем это не просто допускают терпение и познательная способность читателей, не проникнутых таким же рвением к психологической классификации, но и глубже, чем это в действительности позволяет сам предмет. А это неизбежно порождает неясности. К примеру, это имеет место там, где Тетенс изображает основополагающие процессы, предшествующие восприятию. В данном месте Тетенс говорит столь же пространно об «обращении назад» (рефлексии) способности представления как условия восприятия и прочее. Должно быть трудным делом — наблюдать в себе все эти процессы и различия, как их Тетенс умеет наблюдать.⁴⁷ Неоднократно порицаемый,

⁴⁶ I, 359. На диссертацию, в любом случае, делается намек на с. 277 (Упоминание Канта).

⁴⁷ Пожалуй, можно было бы придать фактический смысл учению об «обращении назад» [Rückbeugung] (которое принял и Тидеман в своем «Handb. d. Psych». 1804 S. 96 f), в какой мере только возможно восприятие [das Wahrnehmen], когда ощущение продолжается определенное время, и в течении этого времени соответствующие более ранние стадии впечатления,

несистематический способ изложения, многочисленные [514] повторения и модификации, — все это не так сильно затрудняет понимание его учения, как только что упомянутая черта, означающая действительную ошибку исследовательского метода. В отличие от критиков познания, которые удостоивают Тетенса наивысшей похвалы как психолога, чтоб тем более резко осудить его как теоретика познания, мы именно с психологической точки зрения должны предложить некоторое ограничение похвалы в адрес Тетенса. Он часто слишком старается и хочет слишком глубоко вести анализ. Напротив, теоретико-познавательную тенденцию, насколько она содержится в его учении об отношении, я могу назвать не иначе, как здоровой. Склонность Тетенса к психологизму обнаруживается только в его учении о необходимости.

в. Тетенс различает субъективную и объективную необходимость. Он исследует вначале, должен ли во всех случаях иметь место при данных обстоятельствах один и только один определенный акт суждения. С необходимостью производятся как «темные» суждения, которые рефлексивно вызываются посредством неясных, неразличенных представлений, так и изначальные ясные суждения (как, например, вера во внешний мир), которые уже предполагают различные представления (идеи). Только позднее возникает сомнение, отрицание. И в процессе логического вывода, посредством чего из данных суждений выводятся новые, продвижение рассудка может прерываться посредством различных противодействующих сил.

Более важным является вопрос о том, производится ли суждение при данных представлениях только одним способом или многими. В этом отношении следует отличать необходимые суждения (при которых, помимо подлежащих суждению представлений, мыслительная способность ничего больше не определяет) от случайных суждений, которые зависят также еще от других обстоятельств (к примеру, от привычек и инстинктов). В случае первых суждений существует довольно прочная и однозначная связь между содержанием представления и проистекающим отсюда суждением; в случае же суждений второго сорта такой связи нет. Нельзя привыкнуть к тому, чтобы считать 2×2 равным 5.

Не все необходимые суждения суть тождественные высказывания. Прежде всего, восприятие наших собственных психических состояний, которое мы должны считать вполне истинным, есть необходимое суждение, не подпадающее под закон тождества. Затем признание независимости вывода от посылок в правильном умозаключении есть необходимое, но все же не тождественное суждение. Сюда относится самый общий закон причинности и наиболее об-

как будто отодвигаясь во времени, остаются в сознании. Иначе выражаясь: в какой мере сознание остается обращенным на них. Это относится потом и к восприятию отношений. Ведь это не единственное обстоятельство, которое имеет в виду Тетенс. В особых случаях можно еще в другом смысле говорить об «обращении назад» или рефлексии, а именно, при восприятии определенных отношений, которые полагаются содержанием только с учетом психического акта, как, например, в случае отношения множества. (см. выше, S. 488).

Колебания между членами отношения как условие представления об отношении выдвигают и современные психологи (Lotze *Metaphysik* S. 531; Siegwart *Logik* I (2), S. 37). Я не стал бы и это представлять как безусловное требование. Существуют, как мне кажется, восприятия отношения, которые вызываются данным абсолютным содержанием, причем без вмешательства какой-либо сообщаемой [angebbare] деятельности.

щие суждения о присущности [Inhärenz]. (Мы не будем здесь останавливаться на долгих рассуждениях Тетенса о законе причинности). [515]

Но Тетенс различает среди этих (субъективно) необходимых положений опять-таки 2 класса: формально необходимые, которые сами по себе обоснованы в природе мыслительной способности, и материально необходимые, которые обоснованы в материи суждения. К последнему классу относятся геометрические теоремы, закон причинности и субстанциальности, а к первым — закон противоречия и закон тождества, познание различий в конкретных случаях, а также (непосредственные) конкретные знания каузальных связей, наконец, внутреннее восприятие или познание собственных сиюминутных состояний как таковых.

В способах мысли обычного рассудка, в отличие от научного исследования, случайная необходимость (привычка и т.п.) смешана с истинной естественной необходимостью. То, что Юм не обратил внимания на эту последнюю необходимость и на ее существенное отличие от первой, — в этом состоит главный упрек в его адрес со стороны Тетенса. Однако он наверняка заметил, что тем самым трудности еще далеко не устранены. И с его точки зрения еще остается кое-что сделать в позитивном плане, а именно, выявить степень достоверности научных индукций. Есть, по Юму, вероятности, которые приближаются к полной достоверности, даже бесконечно большие вероятности. Теперь Тетенс переходит к понятию *объективной* необходимости и вначале определяет понятие объективной истины или действительности [Gültigkeit] вообще. Объективное же может означать не что иное, как всеобщее и неизменное субъективное. В этом смысле мы приписываем объективную истинность отношениям и связям, в то время как абсолютные содержания (цвета, звуки) мы рассматриваем как признаки. Если истина определяется как соответствие наших мыслей предметам, тогда это может означать лишь то, что идея относится к идее, как вещь — к вещам, и что познанные отношения действительны среди идей для мыслящего идеи рассудка.

Здесь не утверждается, что постигаемые нами отношения могут, возможно, отличаться от действительных отношений, что даже сходство и отличие суть лишь способы мысли нашего рассудка. Но какой бы, в целом, разной ни предполагали мы мыслительную способность, без отличительной черты выражение «мыслительная способность» или слово «рассудок» вообще не имели бы смысла. И поскольку «объективное» означает не что иное, как «действительное для всякого рассудка», постольку те отношения являются объективными. «Вещи сами по себе» (обратите внимание и на выражение) «одинаковы и различны, и это лишь значит, что они суть таковы для каждого существа, способного мыслить отношения тождества и различия».

В этом смысле получается тогда, что и упомянутые выше необходимости суть объективные необходимости. Существование рассудка, для которого было бы возможным существование четырех угольного круга, я отрицаю с такой же необходимостью, как и бытие самого такого круга.

И среди объективных истин Тетенс проводит различие между необходимыми и случайными истинами. Однако это различие не проводится параллельно, например, вышеупомянутому различию между [516] необходимыми и случайными суждениями. Скорее, Тетенс понимает под ним различие законов и чис-

тых фактов. К последним относятся все чистые расположения [Collacationen], причем и собственное существование. Они являются объективно случайными, хотя и субъективно необходимыми (мы бы сказали: очевидными фактами).

Несмотря на свой глубокий и острый взгляд, который тут часто являет нам Тетенс, причем не просто как психолог, но и как теоретик познания, все же нельзя не заметить в приведенных его рассуждениях склонности к психологизму. Я меньше придаю значение тому, что он недостаточно ясно разводит психологические и теоретико-познавательные задачи; более существенна теоретико-познавательная ошибка, которую он совершает, когда «необходимость» в наших знаниях он отождествляет с психологическим принуждением, когда в определенных случаях *судит* именно так и не иначе. Это принуждение существует, однако оно есть следствие внутренней объективной необходимости того, что это есть именно так и не иначе, и эта необходимость не может, в свою очередь, обосновываться психологическими законами, если мы не хотим оказаться в порочном круге. Правда, за Тетенсом следуют и некоторые из современных исследователей, которые, тем не менее, полемизируют с психологизмом. Это, по меньшей мере, неосторожно со стороны Тетенса, когда он утверждает, будто закон противоречия есть «естественный закон, которому рассудок как таковой подчинен так же, как свет — закону отражения и преломления» (I, 513). Естественный закон выводится из отдельных согласующихся данных опыта, а принцип противоречия не нуждается в таком подтверждении. Вероятно, Тетенс хотел при помощи этого сравнения пояснить лишь безусловное принуждение, с каким мы считаем истинным этот принцип. Однако и таким образом он не выразил как раз решающий момент познавательной необходимости.

Солидаризуясь с этими упреками критицистов, я все же не могу согласиться с А. Рилем в том, что тетенсовская теория познания сводится к *ultima ratio* эмпиризма, к *Suffrage universel*, в какой мере Тетенс определяет объективную истину как обще-субъективную [gemein-subjektive]. (а. а. О. I, 199). Тетенс не основывает доверие к закону противоречия и к аналогичным принципам на том, что в них все верят; напротив, он основывает положение о том, что эти истины действительны для каждого рассудка, на необходимость, с которой они даны. Он делает эту необходимость столь мало зависимой от опыта, что он, скорее, отрицает возможность рассудка, в котором А не было бы равно А, в то время как ему кажется вполне возможным сознание, для которого существует совершенно отличный от нашего наглядный мир.

Тетенс даже согласен с Кантом или выступает как его предшественник в том, что он причисляет к этим априорным знаниям еще и синтетические положения. Правда, стремясь конкретнее мотивировать доверие к данным положениям, Тетенс неожиданно впадает в описание психологического аппарата, из которого как бы выскакивают эти положения, так что логическая очевидность становится для Тетенса механическим принуждением.

Таким образом, становится понятным, почему Кант предпочитал занимать отрицательную позицию по отношению к психологии. Однако это привело его к ошибкам противоположного свойства.